

1640-1945

РОЛЬ АРМИИ

В

НЕМЕЦКОЙ ИСТОРИИ

ВЛИЯНИЕ АРМЕЙСКОЙ ЭЛИТЫ НА ВНУТРЕННЮЮ И ВНЕШНЮЮ
ПОЛИТИКУ ГОСУДАРСТВА

ГОРДОН А. КРЕЙГ

Гордон А. Крейг

**Роль армии в немецкой истории.
Влияние армейской элиты
на внутреннюю и внешнюю
политику государства, 1640–1945 гг.**

«Центрполиграф»

1955

УДК 94(430)
ББК 63.3(4Гем)

Крейг Г.

Роль армии в немецкой истории. Влияние армейской элиты на внутреннюю и внешнюю политику государства, 1640–1945 гг. / Г. Крейг — «Центрполиграф», 1955

ISBN 978-5-9524-5916-8

Книга Гордона А. Крейга посвящена роли немецкого офицерского корпуса в формировании внешней и внутренней политики Прусского королевства и Германской империи. Профессор Крейг прослеживает рост прусско-германских вооруженных сил как независимой политической силы и описывает не только пруссанизацию немецкой армии, но и милитаризацию немецкой нации, что привело к двум мировым войнам. Исследование Г.А. Крейга считается одним из наиболее важных исследований немецкого милитаризма, явления, определившего судьбу Германии и повлиявшего на ход мировой истории в целом. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(430)
ББК 63.3(4Гем)

ISBN 978-5-9524-5916-8

© Крейг Г., 1955
© Центрполиграф, 1955

Содержание

Вступление	7
I. Армия и государство, 1640-1807	12
Роль армии в создании прусского государства от Великого курфюрста до Фридриха II	12
Армия как фактор, сдерживающий политический и социальный прогресс	19
Упадок армии и разрушение государства Фридрихов, 1786-1807	24
II. Реформа и реакция, 1807-1840	32
Штейн, Шарнхорст и реформы	34
Победа над Наполеоном	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Гордон А. Крейг
Роль армии в немецкой истории.
Влияние армейской элиты
на внутреннюю и внешнюю
политику государства, 1640–1945 гг

Памяти Эдварда Мида Эрла, учителя, благожелательного критика и друга

GORDON A. CRAIG
THE POLITICS OF THE PRUSSIAN ARMY

1640–1945

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2023

© Художественное оформление, ЗАО «Центрполиграф», 2023

Вступление

Роль армии в немецкой истории

Нам не стоит ожидать пробуждения в нашей стране того общественного духа, который присущ англичанам, французам и другим народам, если не будем подражать им в установлении для наших военачальников определенных пределов и ограничений, коими они не должны пренебрегать.

Штейн

Германия, бесконечный пролог.

Карл Цукмайер

Опыт ведения двух мировых войн против немцев привел к большому количеству размышлений и почти столь же большому числу публикаций о «германской проблеме», и было выдвинуто множество поверхностных теорий для объяснения немецкого ума и характера. Одной из самых популярных была теория о том, что немцы по своей природе послушны власти, милитаристски настроены и агрессивны и что с этим мало что можно поделать, кроме как лишить их возможности представлять опасность для соседей.

Приписывать народу национальные особенности – дело в лучшем случае рискованное, и основанные на таком приписывании аргументы могут рухнуть под собственной тяжестью. Мало кто будет отрицать, что в период Нового времени политическую жизнь и деятельность Германии характеризуют авторитарное правительство, милитаризм и агрессия. Основное предположение этой книги тем не менее состоит в том, что эти явления не присущи немецкому характеру, а скорее, как писал Франц Нейман, «продукт структуры, которая свела на нет попытки создать жизнеспособную демократию»¹.

Закоренелые германофобы склонны забывать, что такие попытки предпринимались. Тем не менее вряд ли можно отрицать, что реформы, начатые в Пруссии после 1807 года, представляли собой всеобъемлющую попытку преобразовать социальную и политическую структуру Пруссии и сделать это государство конституционным королевством, способным развиваться в том же направлении, что и более либеральные государства Запада. Революция 1848 года в Пруссии и других германских государствах была попыткой того же рода. В конституционной борьбе в Пруссии в 1860-х годах, развернувшейся в период, непосредственно предшествовавший объединению Германии под эгидой Пруссии, организованный прусский либерализм стремился ограничить prerogatives короны и заложить основы для эффективной эволюции к парламентской демократии. Наконец, в списке серьезных попыток проведения реформ следует упомянуть устремления прогрессивной и социалистической партий после 1871 года и эксперимент с республиканским правительством, родившийся в результате военного краха 1918 года и окончательно потерпевший поражение с приходом к власти Гитлера.

Короче говоря, историю Германии в XIX и XX веках можно, несильно погрешив против фактов, рассматривать как одну долгую конституционную борьбу, где за решающими битвами – 1819, 1848, 1866 и 1918 годов – следовали непростые перемирия, в ходе которых противоборствующие стороны восстанавливали силы и готовились к новым схваткам. В целом противники конституционной реформы, либерализма и демократии оказались более эффективными борцами. Конечно, в XIX веке их поражения были менее продолжительными, а способность к возрождению – более заметной. Они не смогли, хотя и пытались, предотвратить обнародование конституции в Пруссии в 1848 году и в 1871 году были вынуждены с неохотой согласиться на объединение Германии на основе конституции, предусматривавшей всеобщее избиратель-

ное право для мужчин. Однако до 1918 года им удавалось успешно блокировать введение в Германии того, что в западных странах считалось минимальными требованиями представительной демократии, а именно принципа ответственности министерств и эффективного парламентского контроля над государственным управлением и политикой. Действительно, даже когда в 1918 году рухнула монархия и Германия приняла республиканскую конституцию, силы сопротивления продолжали борьбу и, в конце концов, оказались готовы разрушить демократическую систему, отдав судьбу страны в руки Адольфа Гитлера.

В затяжной конституционной борьбе решающую роль сыграла прусская армия. Если прусская армия, как часто утверждалось, создала прусское государство, то также верно и то, что последующее политическое развитие Пруссии и Германии в гораздо большей степени, чем в любой другой стране, зависело от организации армии, ее отношения к суверенной власти и воли ее руководителей. Именно реорганизация армии в 1807–1813 годах сделала возможным освобождение Пруссии от французского владычества и восстановление ее положения как великой державы, а солдаты, вдохновившие эту реорганизацию, – Шарнхорст (Гнейзенау, Грольман и Бойен) – надеялись, что новая армия станет школой новой нации и военные реформы завершатся всеобъемлющей политической реформой. Эти надежды рухнули, не в последнюю очередь из-за сопротивления армии либералам в ее среде. Уход в 1819 году Бойена в отставку с поста военного министра положил конец наиболее обнадеживающему периоду реформ в прусской истории и одновременно продемонстрировал, что армии вновь удалось стать такой же, как при старом режиме, то есть самым решительным сторонником монархического государства и самым эффективным и закоренелым противником политических перемен.

В последующие годы это адекватно продемонстрировали и признали все те, кто продолжал стремиться к либеральным или демократическим институтам. Показательно, что и в 1848 году, и в 1862–1866 годах прусские либералы стремились в первую очередь добиться контроля над армией, понимая, что по его достижению контроль над государством возникнет естественным путем. Этот вызов армейское руководство встретило решительно и применив высокоэффективную политическую тактику. В 1848 году оно успешно отклонило требование связать армию присягой с новой конституцией, и данное опасное исключение подтверждалось во всех последующих конституционных договоренностях вплоть до 1919 года. В так называемом периоде конфликта (*Konfliktszeit*) 1860-х годов армейское руководство фактически оспорило право прусского парламента влиять на вопросы военной организации и снова продемонстрировало, что армия несет ответственность только перед короной. Наконец, после объединения 1871 года, когда имперский рейхстаг стремился завоевать определенное влияние в военных делах, настаивая на своем праве задавать вопросы военному министру, армейские руководители путем ряда искусных административных реорганизаций лишили данное официальное лицо большинства важных функций и передали его полномочия во всех вопросах командования, организации и личного состава совершенно безответственным армейским ведомствам. Платой за это стала высокая степень административной неразберихи и разделения полномочий внутри самой армии, что имело плачевные последствия во время Первой мировой войны, однако непосредственная цель этой тактики была достигнута, и продвижение к демократии было заблокировано способностью армии противиться парламентскому или народному контролю.

Если милитаризм был решающим фактором внутренней истории Германии XIX века, то не меньшее значение он имел и в сфере внешней политики. Альфред Вебер указывал², что одним из самых значительных достижений XIX века была «вдохновенная инженерами эволюция теперь уже полностью механизированного милитаризма, который, однажды втянутый в ход технической революции, превратил армию из чисто подчиненного государственного инструмента в независимый политический фактор, постепенно начинающий проводить собственную политику и вступать в собственные союзы, обретая собственный растущий силовой рычаг и

становясь все более и более чудовищным аппаратом разрушения». Уже в 60-х годах XIX века эта тенденция была заметна в Пруссии, и именно в те годы, когда прусское оружие ковало единство Германии, прусские армейские начальники стали вмешиваться в дела высокой политики. В войнах 1866 и 1870–1871 годов имели место частые и острые разногласия между военными и гражданскими руководителями по принципиальным политическим решениям, и, хотя Бисмарк в большинстве случаев успешно сохранял авторитет гражданского государственного деятеля, нельзя сказать, что его победа была решающей. Разумеется, за двадцать лет своего пребывания на посту канцлера ему часто приходилось жаловаться на склонность военных властей посягать на влияние в сфере внешней политики, например, во время сложного кризиса 1887 года успех его дипломатии был серьезно подорван их безответственными действиями.

Вероятно, неизбежным спутником технического прогресса стал резкий рост влияния военных на иностранные дела во всех странах с 1870 года. Прогрессирующая механизация ведения войны, например, сделала необходимым для политиков в период международной напряженности запрашивать и взвешивать советы штабов армии и флота относительно потенциала иностранных государств. Однако в демократических странах всегда признавалось, что такое расширение сферы военной деятельности опасно по своей сути и, если право окончательного решения не остается за гражданскими властями, внешнюю политику будет диктовать военная целесообразность.

В Германии Бисмарк, по крайней мере, эту опасность осознавал, однако его преемникам не удавалось столь же эффективно, как ему, сдерживать вооруженные силы. Вследствие этого эпоха Вильгельма характеризовалась постепенной узурпацией военными ведомствами власти и функций профессиональных дипломатов. Оперативные планы будущих войн принимались, например, в такой форме, которая серьезно ограничивала дипломатическую свободу государства, хотя это явно нарушало изречение Клаузевица о том, что никогда нельзя рассматривать стратегические идеи без должного учета их политического значения. Одновременно с нарастанием международной напряженности военные советники кайзера утверждали, что у гражданских политиков нет требуемых духом времени технических знаний или реалистичного подхода, и сумели убедить императора в том, что на предостережения министерства иностранных дел ему следует обращать меньше внимания, чем на советы Генерального штаба, имперской морской пехоты и их агентов в иностранных столицах. «Кто правит в Берлине? – восклицал раздраженный австрийский чиновник в 1914 году. – Мольтке или Бетман-Гольвег?» Объявление Германией войны и последующий курс германской политики во время войны недвусмысленно ответили на этот вопрос. В годы войны в иностранных делах исчезли последние остатки гражданской власти, и профессиональным дипломатам пришлось либо соглашаться с политическими решениями, признаваемыми ими ошибочными, такими как отказ от обещания эвакуировать Бельгию, создание Польского королевства, введение неограниченной подводной войны и навязывание карательных условий договора в Брест-Литовске и Бухаресте, либо оставлять свои посты.

Политика военных дипломатов прямо привела к катастрофе 1918 года, свержению монархического строя, который армия, благодаря своей роли во внутренней политике, так усердно стремилась сохранить. Естественно ожидалось, что новые правители Германии вспомнят прошлое и извлекут из него уроки, наложив действенные конституционные ограничения на свои военные структуры, а впредь будут настаивать на том, чтобы армия оставалась не более чем инструментом гражданской политической власти. Попытка, конечно, была предпринята, однако едва ли удачная. С самого начала республиканскому правительству мешала его зависимость от армии для защиты от революционных волнений. Командующие армией ловко воспользовались этим первоначальным преимуществом и оказались столь же эффективны в избежании парламентского контроля, как и их предшественники в 1848 году и в период конфликта (Konfliktzeit).

Все это, конечно, стало ясно не сразу. В Веймарской республике армии впервые за долгую историю пришлось подчиниться гражданскому военному министру, а офицерский корпус принудили к тому, от чего он отказался в 1848 году, – принесению присяги на верность конституции республики. Но это были мелочи по сравнению с печальной истиной, которая с годами выявлялась все яснее, а именно что основная часть армии не признавала подлинной верности республиканскому режиму или лежащим в его основе принципам. Фактически республиканское правительство оказалось в невозможном положении, когда для защиты от диссидентских групп полагалось на армию, саму являющуюся самой потенциально опасной диссидентской группировкой в Германии. В рейхсвере 1920-х годов господствовала неудовлетворенность условиями мирного договора, насильственным сокращением армии и, как следствие, замедлением продвижения по службе, офицерский корпус презирал политиков, обвиняя их во всем этом и выражая свое презрение перед стоявшими под их командованием частями и подразделениями. Тот факт, что союзные державы в Версале настояли на том, чтобы новая немецкая армия состояла из небольшого числа профессиональных солдат с длительным сроком службы, лишь усилил эффект данной антиреспубликанской идеологической обработки. В конце концов, армия стала тем, о чем предупреждал Густав Штрэземан, – «своего рода преторианской гвардией, оторванной от массы народа и противостоящей ей»³.

В критические годы Веймарской республики, как и в предыдущие периоды немецкой истории, армия сыграла решающую роль в определении политической судьбы страны. Самые опасные враги республики понимали, что они не могут надеяться на ее свержение, не заручившись хотя бы сочувственным нейтралитетом армии, и Гитлер, например, руководствовался этим знанием на всех этапах своей политики до 1933 года. Гитлер намеренно решил сыграть на существовавшем в армии недовольстве, и его обещания восстановить и расширить военную структуру постепенно привлекли к нему большую часть младших офицеров, а его обвинения республиканского режима в том, что тому не хватает национального духа и что он не смог отстоять интересы государства, нашли сочувственный отклик в сердцах офицерского корпуса в целом. Таким образом, судьбоносная политическая перемена 30 января 1933 года была поддержана, как минимум молчаливо, армией, и восемнадцать месяцев спустя самый известный военный журнал Германии писал: «В новом государстве Адольфа Гитлера вермахт не является инородным телом, как это было после ноябрьского восстания 1918 года. Сегодня он является частью органического сообщества и участвует в общем распределении труда нации; и она следует за Адольфом Гитлером как фюрером народа с полным доверием и преданностью своей великой национальной задаче»⁴.

В свете того, что последовало за «революцией» 1933 года, эти слова звучат несколько иронично. Для профессионального офицерского корпуса гитлеровский период был отмечен длинной серией унижений, начиная с убийства генералов фон Шлейхера и фон Бредова в 1934 году, явного для всего мира позорного увольнения генерала фон Фрича в 1938 году и заканчивая бесцеремонным обращением с профессиональными офицерами во время кампаний Второй мировой войны. Более века армия успешно защищала свое автономное положение в государстве, отражая все попытки наложить на нее конституционные ограничения и именно этой тактикой срывая продвижение Германии к демократии. Тем не менее в 1933 году, согласившись на захват власти Гитлером, она предопределила собственную гибель, а также гибель Германии. В течение пяти лет Гитлер совершил то, чего тщетно добивались либералы 1848 и 1862 годов и республиканцы и социалисты 1918 года: он полностью подчинил армию своему контролю. А в течение следующих двух лет втянул ее в войну, которой боялись все ответственные немецкие военные – и, как показали дальнейшие события, не без оснований.

Посвященных немецкой армии книг написано много. Тем не менее, возможно, более подробное, чем это принято в английских и американских книгах по этому вопросу, изложение истории политического влияния и деятельности прусско-германской армии принесет некото-

рую пользу. Мы живем в эпоху, когда влияние военных заметно и растет как во внешней, так и во внутренней политике, и мало надежды на то, что эта тенденция обратится вспять в обозримом будущем. Идеальная цель здорового государства состоит в том, чтобы его военные структуры оставались лишь исполнительной волей суверенной власти. Достижение этой цели – задача, требующая деликатности, терпения и постоянной бдительности, ибо военное влияние проявляется – по утверждению Фридриха Мейнеке⁵ – прикровенно, его не всегда легко обнаружить. Возможно, размышления над историей другого народа, чьи политические устремления были частично подавлены вследствие его неспособности установить надлежащие ограничения на деятельность своих военачальников, помогут нам избежать опасных ошибок в наши дни.

I. Армия и государство, 1640-1807

Шар земной не крепче покоится на плечах Атланта, чем Пруссия на своей армии!

Фридрих II, после Гогенфридберга, июнь 1745 года

Король проиграл битву. Спокойствие – это первая обязанность гражданина.

Указ правительства после Йены, октябрь 1806 года

Роль армии в создании прусского государства от Великого курфюрста до Фридриха II

В своей «Немецкой истории» Франц Шнабель писал, что учреждение прусского государства является величайшим политическим достижением в истории Германии, тем более что благоприятные географические условия, помогшие сформировать другие национальные образования, в случае владений Гогенцоллернов полностью отсутствовали⁶. Земли, составившие ядро современной Пруссии, в XVII веке были беспорядочно разбросаны по пяти параллельным потокам, протекающим по Северной Германии. Между Равенсбергом и Марком, курфюршеством Бранденбург и Восточной Пруссией не существовало никакого естественного соединения, а в смутных и изменчивых политических условиях той поры не было оснований предполагать, что слабые связи, объединявшие их с династией Гогенцоллернов, могли долго сохраняться. То, что они сохранились, и то, что разрозненные фрагменты территории соединились не только в жизнеспособный политический союз, но также в союз, признанный великой европейской державой, явилось результатом двух факторов: политической воли и прозорливости правивших после 1640 года Гогенцоллернов, а также эффективности созданной ими армии.

Когда Фридрих Вильгельм, впоследствии прозванный Великим курфюрстом, в 1640 году вззошел на трон Бранденбурга, он столкнулся с условиями, вполне способными привести в отчаяние. Религиозные войны, опустошавшие германские земли с 1618 года, свели власть курфюрста над своим королевством до минимума. В эпоху войны отец Фридриха Вильгельма совершил роковую ошибку, полагаясь в безопасности на дипломатическую ловкость. Его метания между обдуманым нейтралитетом, вялыми союзами со шведами и, наконец, вынужденной поддержкой дела католиков были столь же недостойными, сколь и неэффективными, и, в конце концов, его ненадежность просто раздражала силы, которые он стремился умиротворить. В результате его правление закончилось тем, что его владения в Рейнской области были окружены голландскими и испанскими армиями, провинция Восточная Пруссия находилась в состоянии открытого недовольства и даже сам Бранденбург, за исключением Берлина и нескольких крепостей, оказался под иностранной оккупацией.

Таким образом, новый правитель унаследовал государство, которое, казалось, вот-вот распадется, однако, признавая серьезность ситуации, он не испугался ее. Тем не менее безжалостный реализм, которым поневоле характеризовалось все его политическое мышление, убедил его в том, что пришло время полностью порвать с политикой прошлого. Он считал, что Гогенцоллерны не смогут защитить свое наследие, продолжая полагаться на дипломатические маневры и переменчивые союзы. «Союзы, – напишет он годы спустя, – конечно, хороши, но собственные силы еще лучше. На них можно положиться с большей безопасностью, и вла-

ститель не имеет значения, если у него нет собственных средств и войск»⁷. Ключ к безопасности лежал в военной силе, и курфюрст намеревался создать надежную военную структуру. С самого начала военная проблема тесно переплеталась со всеми вопросами государственного управления и местной политики. Военная слабость курфюрста в начале царствования во многом вызывалась стремлением жестоковейных ландтагов отдельных провинций защитить вырванные ими у прежних сюзеренов привилегии. Главной из них был контроль над налогами. Курфюрст зависел от ландтагов Бранденбурга, Клева, Марки и Восточной Пруссии в плане средств, которые он мог платить чиновникам и войскам, и, несмотря на требуемые войной чрезвычайные расходы, ландтаги не желали уступать привилегий, вырванных у прежнего правителя вследствие его неразумной щедрости. Их ассигнования были так скудны, что в 1640 году единственными имевшимися в распоряжении курфюрста войсками были несколько тысяч наемников и перебежчиков из других армий – ландскнехтов низшего пошиба, неспособных к боевым действиям против организованных сил и терроризировавших провинции, которые они призваны были защищать⁸. Для замены их надежной армией требовалось согласие земельной знати, а учитывая ее прежнее поведение, было сомнительно, чтобы его удалось добиться.

Однако именно эту задачу поставил перед собой курфюрст и, в конце концов, ее решил с революционными политическими последствиями. Он начал с жеста, который не мог не умиловать ревнивые сословия Бранденбурга, продолжив безжалостно устранять из своих существующих сил все непокорные элементы. В первые годы царствования он избавился от всех нежелательных и непригодных, и всех мятежных полковников, шантажировавших жителей городов-крепостей, арестовали или отправили в ссылку, а самых некомпетентных иностранных наемников уволили. Остался крошечный отряд в 2500 человек, но это было ядро постоянной армии будущего. Помещики, благодарные за освобождение от военной анархии, проявили готовность предоставить средства, необходимые для оснащения этих сил и даже для увеличения их численности, и курфюрст воспользовался этим настроением, чтобы быстро нарастить свою армию в последние годы Тридцатилетней войны. В 1648 году у него под ружьем стояло 8000 человек, и наличие этих войск явилось немаловажным фактором в обеспечении уступок, сделанных Бранденбургу в Вестфальских договорах⁹.

По окончании войны к ландтагам вернулась подозрительность, характерная для их отношений с правителем в прошлом, и в течение следующих тридцати лет они часто требовали существенного сокращения армии. Однако благодаря сочетанию своевременных уступок, продуманных уверток и скрупулезной экономии курфюрст смог продолжить свою политику военной экспансии без серьезных помех, пока не окреп достаточно, чтобы бросить вызов своим критикам и уничтожить центры их сопротивления. Ключом к его успеху в этом отношении явился знаменитый договор, который он заключил со своим бранденбургским ландтагом в 1653 году. В обмен на субсидию в размере 530 000 талеров, подлежащую выплате в рассрочку в течение шести лет, курфюрст предоставил безграничную власть крупным землевладельцам, самым непримиримым своим противникам. Поместья этих так называемых юнкеров он из феодалов, дававшихся «в награду за военные и иные заслуги», преобразовал в аллоды, находившиеся в их полной собственности. Устранив правовые ограничения, связывавшие юнкеров в прошлом, он признавал их единственным сословием, которое вправе приобретать землю, и подтвердил и закрепил привилегии, которые они требовали у его предшественников, наподобие освобождения от налогообложения и права контролировать жизнь своих крестьян. Наконец, он особо признал их власть в местных делах и их право считаться господствующим классом во всех вопросах, касающихся государства в целом¹⁰.

К социальным и политическим последствиям этой договоренности придется вернуться позже. Прямым значительным результатом компромисса 1653 года было то, что он дал курфюрсту желаемую армию. Верно, что средств, предоставленных в 1653 году, хватило для содер-

жания лишь скромного войска, скорее всего не превышавшего 5000 человек, однако это был фундамент, на котором можно было строить, а то, как быстро и эффективно курфюрст умел строить, если ему предоставлялась возможность, он продемонстрировал, когда в 1655 году вспыхнула война между Швецией и Польшей. Указав на присущие этому конфликту явные опасности, Фридрих Вильгельм повелел своим агентам начать набор дополнительных сил, как в Бранденбурге, так и в княжествах Нижнего Рейна, и созвал восточнопрусское ополчение. От протестов бранденбургских ландтагов, не имевших никакого желания выделять средства на защиту иных провинций, кроме собственной, он бесцеремонно отмахнулся и начал вводить различные чрезвычайные налоги для содержания новобранцев¹¹. При такой поддержке его армия быстро росла. К сентябрю 1655 года у него под ружьем стояло восемь тысяч человек, к июню 1656 года – 22 000 человек, а к моменту, когда в 1660 году Оливский мирный договор положил конец боевым действиям, – 27 000.

По мнению Курта Яни¹², постоянная армия Пруссии зародилась во время войны 1655–1660 годов. После 1660 года ее размеры сократились, но сокращения никогда не были такими значительными, как прежде¹³, и курфюрсту и его преемникам больше никогда не приходилось при столкновении государства с чрезвычайной ситуацией создавать военные силы практически с нуля. Между 1660 и 1672 годами курфюрст сумел сохранить от 7000 до 12 000 человек войска. Ради пополнения этих сил он проводил политику назначения на государственные должности ушедших в отставку после 1660 года высших офицеров, а демобилизованным солдатам давал земельные участки в своих королевских владениях, тем самым создавая своего рода обученный резерв, который подлежал призыву во время войны. После 1672 года, когда экспансионистские цели Людовика XIV вовлекли европейские державы в длинную серию войн, армия Фридриха Вильгельма снова начала расти, а благодаря умению курфюрста истребовать значительные субсидии от союзников – более быстрыми, чем прежде, темпами. Курфюрст также больше не был склонен идти на уступки провинциальным ландтагам, сопротивлявшимся быстрому увеличению его войска. Со своими бранденбургскими ландтагами у него после 1653 года особых проблем не возникало – действительно, с того года общего собрания крупных ландтагов больше не существовало. Владения Клев и Марк, а также земли Восточной Пруссии он теперь подчинил себе, угрожая исполнить свои указы военной силой. К 1661 году он принудил свои рейнские провинции признать за ним право набирать и содержать войска в пределах их границ, а к середине 1670-х годов его власть не подвергалась сомнению и в Восточной Пруссии.

Когда в 1688 году курфюрст умер, он оставил армию, численность которой оценивалась примерно в 30 000 человек. Эта армия с 1640 года претерпела радикальные изменения. Старая система наемничества, при которой полковники заключали контракты на поставку правителю полков оговоренной численности, но не допускали его вмешательства в управление и командование своими войсками, в ходе правления Великого курфюрста постепенно видоизменялась. Были сделаны первые шаги к современной системе централизованного управления армией. В 1655 году курфюрст передал барону фон Шпарру общее командование всеми войсками в землях Гогенцоллернов – шаг, который, как минимум, теоретически объединил дотоле не скоординированные провинциальные силы, и под руководством Шпарра возник своего рода генеральный штаб, придававший этой концепции унификации некоторое практическое значение в вопросах командования¹⁴. Одновременно деятельность Клауса Эрнста фон Платена, назначенного во время шведской войны генерал-кригскомиссаром с полномочиями общего руководства такими вопросами, как мобилизация, пополнение кавалерии лошадьми, снабжение и расквартирование армии, ее оплата, запасы и склады боеприпасов, взимание налогов внутри страны и контрибуций за границей, также быстро способствовала унификации в армии курфюрста¹⁵. В результате этих мер авторитет полковников неминуемо упал. Все чаще курфюрст стремился избегать индивидуальных контрактов (Kapitulationen) с отдельными командирами, постепенно

он урезал права полковников назначать младших офицеров и заложил основу системы, в которой все офицеры подчинялись правителю как главнокомандующему армией¹⁶. Наконец, он попытался – хотя и с куда меньшим успехом, чем можно себе представить, читая клейстовского «Принца Фридриха Гамбургского», изменить мировоззрение своих офицеров и убедить их считать себя не столько спекулянтами и коммерсантами, сколько слугами государства.

Эти усилия в направлении централизации при всей их незавершенности отразились на повышении эффективности на поле боя. Во время правления Великого курфюрста бранденбургско-прусская армия не только продемонстрировала способность защищать территории своего правящего дома, но и своими победами под Варшавой и Фербеллином завоевала внимание и уважение великих держав Европы, этот факт адекватно доказан рвением, с которым ее помощи искали в последние годы курфюрста. Вследствие обескураживающих перемен дипломатических коалиций того периода более ощутимых преимуществ ему получить не позволили, однако, когда в январе 1701 года его сын короновался как король Пруссии, неспособность ни одной из великих держав оспорить новый титул стала запоздалым признанием возросшего авторитета государства Гогенцоллернов и подтверждением убеждения Великого курфюрста в том, что только военная мощь способна сделать правителя *уважаемым*.

Урок его преемники не забыли. Сын Великого курфюрста обычно считается слабым правителем, и, разумеется, его любовь к церемониалам и показухе вызывала насмешки подданных и обескураживала распорядителей его доходов. Но этот первый прусский король тем не менее почитал реальность, а также внешние атрибуты власти, он признавал армию оплотом своей власти и постепенно увеличивал ее численность, пока она не достигла уровня 40 000 человек. И когда в 1713 году на престол вззошел его сын, выдающийся Фридрих Вильгельм I, рост армии стал первой целью его политики.

Как и Великий курфюрст, Фридрих Вильгельм I считал, что международное положение князя полностью определяется количеством войск, которые он способен содержать. «Я могу лишь посмеяться над негодяями, – сказал он однажды, имея в виду некоторых министров своего отца, – которые говорят, что получают землю и людей для короля пером, однако я говорю, что их можно добиться только мечом, в противном случае ничего не выйдет»¹⁷. Позже при любом удобном случае он внушал эту истину своему сыну. «Фриц, помяни мои слова, – сказал он в 1724 году, – всегда держи большую боеспособную армию, у тебя не будет лучшего друга, и без этого друга тебе не выжить... Поверь мне, тебе нет смысла думать о воображаемом, сосредоточься на реальном. Имей деньги и хорошую армию, они обеспечат правителю славу и безопасность»¹⁸.

Действуя в согласии со своими собственными принципами, Фридрих Вильгельм с самого начала царствования направил всю свою энергию на задачу увеличения численности и боеспособности армии и одновременно на ее освобождение от той зависимости от иностранных субсидий, которая в периоды предыдущих правлений вовлекала Гогенцоллернов в войны не всегда отвечающие их интересам. Проводя политику самой жесткой экономии, при которой прусское государство ежегодно тратило на армию в четыре-пять раз больше, чем на все другие статьи расходов, Фридрих Вильгельм увеличил размер своих вооруженных сил с 40 000 до 83 000 человек, тем самым сделав прусскую армию четвертой по величине в Европе, хотя государство занимало только десятое место по территории и тринадцатое по населению¹⁹.

Этот значительный рост сопровождался коренными изменениями в структуре и личном составе армии и ее командования. Самым большим источником беспокойства короля в первые годы правления был личный состав. Фантастическая суровость прусской дисциплины способствовала дезертирству. Каждый год этого правления число беглецов из армии составляло не меньше 400 человек, а общее число дезертиров между 1713 и 1740 годами равнялось 30 216 человекам. Более существенными источниками истощения были возраст и болезни, еже-

годно приводившие к увольнению 20 процентов боеспособного состава. Вскоре король понял, что не может надеяться возместить эти потери, полагаясь на добровольцев. Поэтому в ранние годы он все чаще прибегал к насильственной вербовке подданных и рекрутскому набору – а также рекрутскому набору, временами неотличимому от похищения людей, – в соседних государствах. Однако результаты этого едва ли оказывались удовлетворительными. Мало того что король был постоянно вовлечен в споры с другими правителями, которые возмущались нарушением их прав, он и в своих собственных землях столкнулся с растущим общественным негодованием и – что, вероятно, сильнее тревожило его бережливую натуру – с увеличением эмиграции, которая оказала пагубное влияние на экономику государства²⁰.

Фридрих Вильгельм I стремился преодолеть эти трудности, сделав службу в постоянной армии юридически обязательной для всех своих подданных. Обязанность защищать страну в чрезвычайных ситуациях посредством службы в местных ополчениях была принята еще со времен Тридцатилетней войны и получила юридическую силу в соответствии с постановлением 1701 года. Однако система ополчения никогда не применялась регулярно, временные формирования как резерв для постоянной армии были неэффективны, а зачисление в ополчение слишком часто служило предлогом для уклонения от службы в регулярных войсках. По этой причине Фридрих Вильгельм в первый год своего правления упразднил существующие организации ополчения и одновременно постановил, что любой, кто покинет королевство, чтобы избежать службы в регулярной армии, будет считаться дезертиром. По внутреннему смыслу этот декрет устанавливал принцип всеобщей воинской повинности²¹.

В течение следующих двадцати лет другие распоряжения упорядочили процедуру рекрутчины, кульминацией стали указы 1732–1733 годов, установившие основные черты того, что получило название прусской кантональной системы. Каждому полку в армии назначался определенный призывной округ или кантон, все юноши округа зачислялись в полковой рекрутский список, а когда квоты не удавалось заполнить посредством добровольного зачисления, нехватка компенсировалась за счет подходящих кандидатов в списках.

Хотя все последующие приказы о кантонах подтверждали всеобщую воинскую повинность и хотя эта повинность стала общепринятой в обычном праве, ни Фридрих Вильгельм I, ни его преемники не пытались сделать что-либо близкое к всеобщему призыву прусских подданных. На практике делались либеральные исключения в интересах торговли, промышленности и государственной службы, вся высшая прослойка общества, включая наиболее зажиточных ремесленников и рабочих на предприятиях, представляющих интерес для государства, от повинности освобождалась, а бремя это легло почти исключительно на батраков и менее зажиточных крестьян²². Более того, даже этим призывникам предоставлялись весьма щедрые отпуска. В целях охраны интересов крупных землевладельцев крестьян-призывников каждую весну после двухмесячной строевой подготовки освобождали от действительной службы, и, таким образом, в мирное время армия в полном составе существовала только в апреле и мае²³.

Даже при таком ограниченном применении кантональная система была заметным нововведением. Это обеспечило армии то, что фактически представляло собой большой обученный резерв, который можно было быстро мобилизовать в случае необходимости. Это также произвело важное изменение в самом характере военного строительства, поскольку, несмотря на большое количество иностранных наемников на службе, армия теперь, по крайней мере во время войны, должна была быть преимущественно национальной по составу. Наконец – и это не менее важно – общепринятая конвенция о всеобщей воинской обязанности послужила необходимой основой для полной реорганизации прусской армии, воплотившейся в жизнь в наполеоновский период²⁴.

Столь же важной, как и кантональная система, была успешная попытка короля убедить пойти на службу в армию свою знать. В гордых и свирепых баронах своих походов он узнавал

воинские доблести, в которых нуждалось государство, и ясно понимал, что эти сельские лорды были естественными вождями крестьянских юношей, подлежащих теперь военной службе. Одной лишь муштрой и дисциплиной людей в армию не сплотить. Как писал Хинтце, фундамент должен быть подготовлен «устойчивыми идеями и концепциями, наследуемыми и культивируемыми и подтвержденными традицией»²⁵. Чтобы интегрировать сельские массы в свое войско, Фридрих Вильгельм полагался на своих юнкеров, чья служба в офицерском корпусе эффективно внедряла в армию отношения между офицером и солдатом, подобные традиционным отношениям в сельском обществе.

Примирение аристократии с короной началось при Великом курфюрсте, путь к нему открыл компромисс 1653 года. Тем не менее, несмотря на личный престиж курфюрста и преимущества, которые он желал предложить, поступившие к нему на службу дворяне продолжали сопротивляться, в особенности в Восточной Пруссии, и Фридрих Вильгельм I решил это сопротивление преодолеть по причинам как политического, так и военного порядка.

«Я разрушу власть юнкеров, – сказал он однажды, – и утвержу самодержавие как незыблемую опору»²⁶. В начале своего правления он запретил дворянам поступать на дипломатическую службу. В то же время он приказал составить списки всех молодых дворян в возрасте от 12 до 18 лет и на их основании лично отобрал тех, кого следовало принять в кадетский корпус в Берлине, служивший воротами к офицерскому званию. Какое-то время эта практика встречала ожесточенное сопротивление, в особенности в Восточной Пруссии, где кое-кто из незадачливых кандидатов пытался доказать, что они не принадлежали к прусской знати и, следовательно, непригодны для службы, в то время как другие искали спасения в бегстве. Но король не терпел подобных уверток и не гнушался посылать полицейских агентов или войсковые отряды, чтобы схватить предполагаемых офицеров и группами доставить их в Берлин.

К 1724 году во владениях Гогенцоллернов практически не было дворянской семьи, у которой сын не состоял бы в офицерском корпусе, а к 1740 году свою личную битву король выиграл. Скорее всего, не столько в результате готовности применить силу, сколько солидных преимуществ, которые он давал своей знати. Сыновьям семей, за душой у которых иногда гордости в наличии было больше, чем денежных средств, он предлагал образование, уровень жизни выше, чем тот, на который они могли бы рассчитывать в противном случае, возможность подняться до высоких военных и политических постов и непревзойденное социальное положение в государстве. Им предлагались и менее осязаемые, но, разумеется, не менее привлекательные преимущества связи с королем в почетном призвании на условиях полного социального равенства. В новом офицерском корпусе Фридрих Вильгельм носил такой же мундир, как и его капитаны и лейтенанты, за единственным исключением генералов ни один офицер не надевал знаки различия воинских званий, а правитель и его дворяне составляли закрытое общество, регулируемое законами профессиональной компетентности и феодальной чести. Неудивительно, что дворянство находило эту атмосферу близкой по духу и начинало считать службу, на которую пошло с неохотой, своей естественной профессией²⁷.

В то время как система кантонов и мобилизация дворянства для военных целей дали его армии национальную основу, которой у нее не было раньше, Фридрих Вильгельм продолжал следовать курсу, столь пронизательно намеченному Великим курфюрстом, и продвигал единообразие и централизацию своих вооруженных сил. Форма и оружие были тщательно прописаны королем и его советниками. В 1714 году сам Фридрих Вильгельм написал самый первый всеобъемлющий пехотный устав, когда-либо изданный для армии, набор инструкций, который отныне регулировал каждый этап жизни солдата в гарнизоне и на поле боя. Изложенные в нем приемы обращения с оружием и тактические перестроения, а также бесконечная муштра, с которой они прививались войскам, придали пехоте Фридриха Вильгельма дотоле неведомые континентальным армиям гибкость и верность в маневрах и одновременно придали огню

быстроту и точность, прославившие прусские армии во всей Европе при преемнике Фридриха Вильгельма²⁸.

Несмотря на всю важность, которую Фридрих Вильгельм придавал обладанию армией, применял он ее очень неохотно и тщательно избегал авантюры, способных поставить под угрозу безопасность любимых гренадеров. Не то что его сын. Еще до восшествия на престол принц, вошедший в историю как Фридрих Великий, раздражался бездеятельностью Пруссии и стыдился того, что, несмотря на ее силу, страну считают простой пешкой на европейской шахматной доске²⁹. В своих самых ранних работах он ясно дал понять, что образ Пруссии (*la figure de la Prusse*) необходимо исправить, если Пруссия хочет «стоять на собственных ногах и прославить имя своего короля»³⁰. В своем нынешнем состоянии Пруссия все еще оставалась гермафродитом, более курфюршеством, нежели королевством³¹, ее обширные провинции выказывали открытое приглашение для иностранной агрессии, требовалась консолидация, однако произвести ее возможно только за счет новых приобретений, а новые приобретения непременно повлекут за собой применение силы. Если это так, то Пруссия должна воспользоваться первой же представившейся возможностью, и Фридрих нашел ее в восшествии в 1740 году на австрийский престол Марии Терезии, проигнорировав юридические возражения своих министров или сомнения своих военных советников. Как другой великий воин прошлого, он вполне мог бы сказать:

Или судьба его слишком страшит,
Или о доблести он стал забывать,
Дабы отважиться выхватить меч
И победить или все потерять.

В 1740 году, бросая войска через границы Силезии и положив начало опустошительному конфликту, Фридрих рисковал ни больше ни меньше, как полным разрушением своего государства. Тем не менее, завоевав Силезию и доказав свою способность ее удержать, он разрушил старое германское установление и поднял Пруссию до положения фактического равноправия с Австрией.

Войны Фридриха Великого завершили созидательную работу Великого курфюрста и Фридриха Вильгельма I, одновременно испытав усовершенствованное оружие и достигнув цели, для которой оно ковалось. «Двенадцать кампаний эпохи Фридриха, – пишет Трейчке, – навсегда запечатлелись в воинственном духе прусского народа и прусской армии, даже сегодня северный немец, зайдя речь о войне, невольно прибегает к выражениям тех героических дней и, как Фридрих, рассказывает о „блестящих кампаниях“ и „молниеносных атаках“»³². Армия, столь методично взращенная Великим курфюрстом и Фридрихом Вильгельмом I, показала себя и одновременно стяжала дух и создала традицию, призванную поддерживать ее во всех переменах грядущего столетия³³. В огне Семилетней войны примирение между королем и его знатью окончательно завершилось, и офицерский корпус стал воплощением духа преданности короне и государству, а простой пехотинец обрел сознание своих возможностей, которые, переданные преемникам, сделают прусские войска лучшими в Европе. Наконец, достижения армии увенчали успехом процесс, начатый в 1640 году, произвели коренное изменение в европейском балансе сил и, вне всяких сомнений, закрепили за Пруссией статус великой державы.

Армия как фактор, сдерживающий политический и социальный прогресс

Однако у медали имелась и обратная сторона. Создание армии, способной завоевать международное признание, для правителей Гогенцоллернов стало возможным только благодаря подчинению всей энергии их подданных поддержанию этого военного формирования. Организационная структура, экономическая деятельность и даже общественное устройство Пруссии в значительной степени определялись потребностями армии, и, если созданное таким образом прусское государство было шедевром сознательного замысла, оно тем не менее по существу являло искусственное творение, неспособное к естественному росту или самостоятельному развитию.

Высокий уровень централизации, характерный для правительства Фридриха II, был естественным следствием растущих расходов на военную инфраструктуру за последнее столетие. Расходы на гражданское управление в бывшем Бранденбургском курфюршестве были чрезвычайно скромны, и их можно было по большей части оплачивать из доходов королевских владений и таких предприятий, как контролируемые короной мельницы и пивоварни. Однако во времена Великого курфюрста этого дохода оказалось недостаточно для содержания армии того размера, который он считал необходимым, и в период Тридцатилетней войны и войны со Швецией ему пришлось взимать новые налоги и специальные сборы – акцизы на потребительские товары, гербовые сборы с юридических документов, разнообразные подушные подати, ввести государственную монополию на соль и тому подобное. Для сбора этих денег назначались королевские агенты, которых называли налоговыми комиссарами (Steuerkommissare) или, что важнее в свете их целей, военными комиссарами (Kriegskommissare). Подотчетные в своей деятельности провинциальному оберкригскомиссару, а через него и генерал-кригскомиссару в Берлине, эти сборщики налогов были знаменосцами королевской власти во всех частях курфюрстских территорий, и их обязанности неизбежно приводили к посягательствам на юрисдикцию местных властей, магнатов и муниципальных администраций.

По мере роста потребностей армии это управление становилось все более сложным и все более централизованным, дабы освободить армию от зависимости от иностранных субсидий. Фридрих Вильгельм I стремился увеличить доходы, объединив управление землями короны с военными комиссариатами. Генеральная директория, которую он учредил в 1723 году, управляла королевскими владениями, собирала все налоги и руководила деятельностью монетного двора, почтовой системой и королевскими монополиями³⁴. Кроме того, она взяла на себя управление всей экономической жизнью государства, поощряя иммиграцию иностранцев, иницируя создание и финансирование новых отраслей промышленности и в целом направляя экономический рост Пруссии на нужды военного ведомства. Наконец, разработанная Фридрихом Вильгельмом I и его преемником Генеральная директория завершила централизацию политической власти, которая началась, когда Великий курфюрст подавил провинциальные ландтаги. Министры отдельных департаментов Генеральной директории были наделены политическими и административными полномочиями, созданные в провинциях промежуточные коллегии – военно-доменные камеры (Kriegs- und Domanen-Kammer) получили судебную власть в вопросах публичного права и окончательно вытеснили учреждения местного самоуправления в городах и западных провинциях.

Таким образом, из военных комиссариатов Великого курфюрста вырос грозный административный аппарат времен Фридриха Великого – система, удовлетворявшая требованию короля к своему правительству, которое должно было быть «последовательным, как философская система, дабы финансы, политика и управление армией координировались с одной

и той же целью, а именно укрепления государства и усиления его могущества»³⁵. Генеральная директория, особые функциональные министерства, выросшие из нее во время правления Фридриха II³⁶, и провинциальные палаты сделали возможным объединение ресурсов государства для национальных целей и обеспечили механизм проведения политики, которую король определял в своем личном кабинете.

Армия также оказала глубокое влияние на социальное развитие и классовую структуру Пруссии. Чтобы склонить земельную аристократию к службе в армии, Великий курфюрст и его преемники, как мы видели, были готовы пойти ей на далекоидущие уступки. Партнерство, заключенное курфюрстом и его юнкерами в 1653 году, подтвердили его преемники. Мало того что юнкеры были защищены экономически, получив полную власть над своими поместьями и крепостными, которые обрабатывали их земли, но им также было разрешено в своих собственных округах сохранять важные полицейские, судебные и административные функции. Централизация, характерная для остальной части прусской администрации, остановилась в пределах имений юнкеров. Здесь верховодил *ландрат*, выдвигаемый товарищами-юнкерами и назначаемый королем, и власть его должна была оставаться незатронутой изменениями революционного периода³⁷.

Право дворянства на эти экономические и политические привилегии открыто отстаивал Фридрих Великий. В конце концов, указывал он, сыновья знати защищали государство, и «эта раса настолько хороша, что заслуживает всяческой защиты»³⁸. В глазах Фридриха эта защита включала в себя основанное на обычае право на высшие посты на государственной службе и абсолютную монополию на должности в офицерском корпусе армии. Чего Фридрих требовал от своих офицеров прежде всего, так это чувства чести – морального побуждения, которое заставляло их из уважения к себе и своему призванию терпеть невзгоды, опасности и принимать смерть, не дрогнув и не ожидая награды³⁹. Честь, считал король, можно найти исключительно у феодальной знати, а не у других сословий и, конечно, не у *буржуазии*, руководствующейся скорее материальными, нежели моральными соображениями и в минуты бедствий слишком рациональной, чтобы считать жертву необходимой или похвальной⁴⁰. Хотя Фридрих наверняка знал, что некоторые из великих военачальников прусского прошлого – например, Дерфлингер, Людке и Хенниге – были выходцами из простого народа, ему требовались только офицеры благородного происхождения. Он хвалил селекционную политику времен своего отца, когда «в каждом полку офицерский корпус чистили от тех людей, чье поведение или происхождение не отвечало той профессии людей чести, которую они призваны исполнять, и с тех пор порядочность офицеров не страдала среди сподвижников, исключительно людей без упрека»⁴¹.

Он сам усовершенствовал следование этому примеру и, хотя во время Семилетней войны был вынужден допустить в свои полки буржуазных офицеров, последние годы своей жизни провел, очищая офицерский корпус от этого неугодного материала. Благодаря его усилиям в 1806 году в офицерском корпусе, насчитывавшем свыше 7000 человек, было всего 695 недворян, и большей частью они были изолированы в артиллерии и вспомогательных родах войск⁴². По сравнению с привилегированным положением дворянства судьба других классов была суровой и напряженной. В этом военном государстве на них тоже возлагались определенные функции. Предполагалось, что *буржуазия* будет производить оружие и обмундирование для армии и платить большую часть военных налогов, крестьянство должно было поставлять как еду, так и рекрутов, которые ее ели. Было бы неверным сказать, что в обмен на необходимые услуги эти классы не получали льгот. Классу бюргеров, как уже упоминалось, помогали меркантилистская программа государства и планомерная политика *индустриализации*, и, хотя они были исключены из владения земельными поместьями, им была обеспечена монополия торговли

и коммерции. По крайней мере, на землях королевских владений крестьяне были уверены в передаче имения по наследству и получали постепенное облегчение труда и работы прислугой, и даже в частных поместьях король стремился защитить их от лишения собственности. При всем этом, однако, невозможно избежать вывода, что отношение и Фридриха Вильгельма I, и его сына к этим классам можно свести к меткому выражению Србика, как к «наполняющей государство материи, лишенной самосознания»⁴³ – то есть совокупности индивидуумов без личных желаний или устремлений, с которыми требовалось считаться. От них ожидалось, что они будут служить государству и его военным учреждениям с нерушимой верностью, беспрекословно исполнять спущенные сверху приказы, а в остальном от них не ожидали и им не позволяли заниматься теми вопросами высокой политики, которые решал король и которые претворяла в жизнь его армия. Когда комендант Берлина, испытав первый шок от поражения под Йеной, опубликовал прокламацию, гласившую: «Король проиграл битву; спокойствие – первая обязанность гражданина!», он бессознательно написал комментарий об отношении просвещенного деспотизма к массе своих подданных. Они были объектами правительства, а не его участниками, их долей в деятельности государства было право повиноваться.

Если предположить, что буржуазия по преимуществу узка во взглядах, подчинялась власти и интересовалась только прибылью, а крестьянство по большей части представляло собой грубую массу без честолюбия, то усовершенствованный ранними Гогенцоллернами политический и социальный строй предназначался для того, чтобы увековечить, а не исправить эти недостатки. Жесткое социальное расслоение и столь же стремительно централизованное управление препятствовали развитию индивидуальной инициативы, патернализм системы остановил и убил энергию, которая могла бы послужить государству. Даже хваленая прусская бюрократия не была защищена от этой удушливой атмосферы. Созданная для обслуживания армии и удовлетворения ее потребностей, государственная гражданская служба управлялась в соответствии с военными принципами званий и дисциплины⁴⁴. Во времена Фридриха Вильгельма I, как писал историк прусской бюрократии, государственные министры, как и полковники, беспрекословно подчинялись и выполняли приказы с военной точностью и пунктуальностью... Каждый министр был вынужден в своих интересах поддерживать в своем ведомстве тот же строгий дух порядка, пунктуальности и быстроты, который король навязывал своим министрам... Никогда прежде чиновникам не внушали так настойчиво и так непрестанно, что они несут личную ответственность, и никогда прежде личная ответственность не применялась так строго⁴⁵.

Фридрих Великий еще больше ужесточил дисциплину государственной службы. Доведя личное участие в управлении до крайности, он оставил за собой право принимать решения по всем аспектам государственных дел и был склонен увольнять чиновников, у которых были собственные идеи. В результате он лишил бюрократию той самостоятельности, которая является опорой эффективности, и оставил ее бездушной корпорацией, политически нейтральной и лишенной самостоятельной воли⁴⁶.

Чтобы рассеять приевшуюся атмосферу патернализма и открыть путь для развития скрытых сил буржуазии и низов, потребовались бы коренные реформы не только в государственном управлении, но и в социальной организации прусского народа. Но в конечном счете, пока Пруссия была военным государством, сам престиж армии делал такую реформу невозможной. Трудно, например, утверждать, что чрезмерная дисциплина вредна для государственной службы или, если на то пошло, для прусского народа, когда дисциплина прусских войск на поле боя вызывала восхищение даже у противников Пруссии. Нельзя было надеяться на какие-либо реальные меры социальной реформы, пока единство офицерского корпуса зависело от защиты феодальных прав дворянина-собственника или пока наследственное крепостное право оставалось основой кантональной системы⁴⁷. Армия сформировала государство под свои нужды,

теперь это было главным препятствием для любых политических или социальных изменений. Однако при жизни Фридриха эту основополагающую истину мало признавали и преобладающую роль военных в государстве практически не критиковали. Случайный интеллеktуал мог сбежать из королевства, крича, – как ранее Винкельман, – что Пруссия – это гигантский гарнизон, в котором искусство и литература невозможны, и что «лучше быть обрезанным турком, нежели пруссаком»⁴⁸. Случайный член городского совета мог протестовать перед правительством против унижений гражданских жителей местными гарнизонными войсками или против высокомерного поведения грубых лейтенантов из равнинных земель⁴⁹. Однако никакого организованного движения протеста против положения армии, да и вообще против каких-либо других особенностей авторитарной системы не было. Низшие классы принимали навязываемые им условия по большей части безразлично, в то время как высшие чиновники и вообще образованные классы сохраняли уверенность в том, что существующий политический и общественный строй – самый эффективный и просвещенный в Европе.

С предельной ясностью это проявилось, когда в 1789 году во Франции вспыхнула революция⁵⁰. Первой реакцией прусских правительственных чиновников на это событие был высокомерный вывод, что революция – это просто попытка применить во Франции принципы порядка и эффективности, характерные для прусской администрации. В первые годы революции литературное общество высших чинов, руководящих представителей духовенства и берлинской интеллигенции «Миттвухгезелльпафт» провело ряд собраний, на которых с интересом и всеобщим одобрением обсуждались события во Франции, однако его члены не были склонны проводить какие-либо неблагоприятные сравнения между новой Францией и старой Пруссией. Для них Пруссия была далеко не деспотическим государством, а государством, которое гарантировало свободу и благополучие своим подданным, и поэтому его власть нельзя сравнить с той, что свергли в Париже. В 1790 году Карл Мангельсдорф, профессор истории Кёнигсбергского университета, писал, что французы имели полное право восстать против заведомо невыносимого режима, однако гражданское неповиновение подобного рода ненавистно пруссакам, «народу, счастье которого не поддается описанию»⁵¹.

Таким образом, революция во Франции оставалась интересной драмой, но не считалась поучительной. Даже такая вызывающая акция, как отмена феодальных привилегий французской знати, не смогла пробудить стремление к аналогичным реформам в Пруссии, в то время как зрелище французской буржуазии, играющей активную роль в политике своей страны, по видимому, не пробудило никакого духа подражания⁵². И здесь можно с уверенностью сказать, что не было осознания одного из самых значительных результатов переворота во Франции, а именно того, что французское государство, позволив своим подданным полностью разделить его судьбы, завоевало новые важные ресурсы народной энергии и национальной преданности. То, что Пруссия могла бы и в своих собственных интересах извлечь выгоду из французского примера, проведя политические и социальные реформы, не было даже смутно замечено. Среди чиновников и образованных классов господствовало мнение, что прусская монархия достигла высшей степени совершенства и не требует улучшения⁵³.

Это чувство непобедимого превосходства сохранялось в первые годы революции и не поколебалось участием Пруссии в кампаниях против Франции 1792–1795 годов – войне, которая, впрочем, никогда в Пруссии популярностью не пользовалась и не отмечена решающими сражениями. Его необоснованность проявилась лишь в 1806 году, когда между Пруссией и новой Францией произошло настоящее столкновение. В 1806 году вскрылись все основные слабости абсолютистской системы. Когда победоносные армии Бонапарта вошли в Берлин после сражений при Йене и Ауэрштадте, их приветствовали у Бранденбургских ворот представители берлинского магистрата и местные купцы, городские власти добровольно согласились продолжать свои услуги завоевателю, а берлинцы безропотно служили в организованной

французами национальной гвардии. Такой же прием был оказан французам и в других прусских городах, признаков даже пассивного сопротивления иностранцам практически не наблюдалось, а прусская пресса отнеслась к разрушительным событиям недавней кампании столь же равнодушно, как если бы писала о войне между персидским шахом и эмиром Кабула⁵⁴.

Однако эта реакция не была, как настаивают некоторые писатели, результатом распространения революционных идей среди буржуазии или коварного влияния масонства и французской безнравственности⁵⁵. Скорее, это было естественным следствием недостатков политических и социальных принципов старого режима в Пруссии. Если народ привык слепо подчиняться власти, он без труда перенесет свою преданность от одной власти к другой. Организационная структура абсолютистского военного государства не позволяла представителям среднего и низшего классов в каком-либо реальном смысле идентифицировать себя с государственной машиной. Когда эта машина рухнула, оказалось вполне естественным, что им пришлось принять этот факт и приспособлять свою узкую жизнь к новым навязанным им обстоятельствам.

Упадок армии и разрушение государства Фридрихов, 1786-1807

Коротко упоминая об основных слабостях государства Фридриха, следует с ходу добавить, что и его крушение, и его возвышение носили преимущественно военный характер. Те немецкие авторы, которые склонны объяснять все свои военные поражения переходом на сторону противника гражданских лиц, отчасти распространяют подобное толкование и на поражение 1806 года⁵⁶. «В 1806 году, – пишет один из них, – в поражении в большей степени повинно гражданское население, чем власти государства или армия». Тем не менее теория удара в спину не более верна для объяснения неудачи прусского оружия против Наполеона, чем для событий 1918 года. Прусская армия потерпела сокрушительное поражение в 1806 году, а факторами, приведшими ее к поражению на поле боя, явились недостатки организации, обучения и командования, ставшие очевидными еще с 1763 года.

Упадок армии, одержавшей такие выдающиеся победы в Семилетней войне, можно проследить от самого Фридриха Великого, и даже Трейчке, один из его величайших поклонников, вынужден признать, что Фридрих оставил армию «в худшем состоянии, чем то, в котором он принял ее, вступив на престол»⁵⁷. Например, мало сомнений в том, что он до опасной степени размыл кантональную систему. Хотя иногда Фридрих был готов признать, что местные солдаты сражались в битвах Пруссии лучше, чем иностранные наемники, он всегда чувствовал, что его подданные лучше служат государству в качестве налогоплательщиков и товаропроизводителей, нежели в качестве солдат. В то время как в армии Фридриха Вильгельма I коренных жителей было в два раза больше, чем иностранцев, Фридрих намеренно изменил это соотношение. Он считал, что призванные на военную службу кантонисты никогда не должны превышать 3 процента от всего мужского населения, и, даже если это означало, что некоторые полки будут полностью состоять из иностранцев, это было предпочтительнее, чем ставить под угрозу экономическую мощь страны. На последних этапах Семилетней войны Фридрих прибегал к насильственному набору военнопленных и подданных оккупированных государств, а не к увеличению численности местных контингентов, и в своем завещании 1768 года он прямо заявил, что «полезных трудолюбивых людей необходимо беречь как зеницу ока, а рекрутов в военное время следует набирать в своей стране только тогда, когда вынуждает самая горькая нужда»⁵⁸.

С точки зрения военной целесообразности первой потребностью после 1763 года должна была быть тщательно спланированная политика восполнения потерь, понесенных армией за последние семь лет. Такая политика, вероятно, могла основываться на разумном расширении кантональной системы, увеличении числа крестьян-призывников или даже на углублении системы, дабы охватить более широкие слои населения. Однако озабоченность Фридриха проблемой восстановления экономики заставила его отказаться от всех подобных решений. Обычные освобождения от несения службы не только сохранились, но их количество увеличилось. В некоторых областях страны все население было специально освобождено от военной службы, например в Бреслау и других районах Силезии⁵⁹. В целом воинская повинность в недавно приобретенных провинциях была сведена к минимуму, дабы предотвратить эмиграцию населения, а свобода от военной службы применялась как побуждение для потенциальных иммигрантов в прусские земли. Короче говоря, в период, когда прусское население и территория росли, кантональная система не приспособилась к изменившимся условиям, а правительство стремилось компенсировать неизбежные нехватки в призыве, заполняя квоты иностранными наемниками.

Несмотря на некоторую профессиональную критику кантональной системы, преемники принципы Фридриха поддержали. Кантональные регламенты от февраля 1792 года фактически

выражали гордость за организацию прусского государства, где «кроме самой могущественной и грозной армии, расцветают все искусства мира, где принуждение к воинской повинности максимально смягчено, а многие классы подданных практически не затронуты»⁶⁰. Всеобщая воинская повинность оставалась фикцией на протяжении всего периода между войнами, количество наемников неуклонно росло, пока в 1804 году они не составили почти половину всей армии⁶¹, и зависимость от иностранной живой силы была больше, чем когда-либо с первых лет правления Фридриха Вильгельма I. Некоторые офицеры признавали, что увеличение числа иностранцев внесло в армию элемент ненадежности. Между 1802 и 1806 годами обсуждались различные планы пополнения существующего военного ведомства путем организации милиции, которая могла бы служить активным резервом и силой внутренней обороны во время войны, и во всех этих случаях – а в особенности в планах, предложенных в 1803 и 1804 годах Кнессебеком и Курбье, – определенный акцент делался на важности увеличения местного компонента в полках⁶². Но эти планы так и не были реализованы до тех пор, пока не стало слишком поздно, и главной причиной этого было нежелание отменять существующие льготы или расширять воинскую повинность.

Между тем практика отпуска местных на большую часть года продолжалась и расширялась. Ради сокращения штата военных и из соображений общей экономии Фридрих Великий сделал ежегодный период маневров, в течение которого армия должна была находиться в полном составе, короче, чем это было при его предшественнике. Фридрих Вильгельм II и Фридрих Вильгельм III пошли еще дальше, иногда ограничивая королевские маневры всего четырьмя неделями, обучая новобранцев в течение первого года их службы всего десять недель и предоставляя длительные отпуска не только кантонистам, но и местным профессионалам⁶³. То, что это должно было иметь пагубные последствия для эффективности и дисциплины, понятно. Основная часть армии практически постоянно была занята деятельностью, далекой от военного искусства. Тем временем гарнизоны по большей части были укомплектованы иностранными наемниками, многие из которых приехали с женами и детьми и были вынуждены, ввиду крайне низкой оплаты, подрабатывать в городах на черных работах⁶⁴. Описания гарнизонной жизни конца XVIII века совершенно ясно показывают, что в таких условиях нельзя было поддерживать ни упорядоченный режим, ни обучение, а драки и неустройство иностранных профессионалов, безусловно, снизили уважение горожан к армии и способствовали *злорадству*, с которым они отреагировали на поражение 1806 года.

Это общее ухудшение затронуло не только рядовой состав, но и хваленый офицерский корпус⁶⁵. Цвет офицерского корпуса Фридриха Великого погиб в Семилетней войне. Жесткое исключение Фридрихом буржуазных офицеров из армии после 1763 года не только лишило армию талантливых и опытных офицеров, но и наложило на местное дворянство военное бремя, которое оно не могло вытянуть в одиночку. Конечным результатом этого явилось то, что присваивать офицерские звания приходилось иностранцам благородного происхождения, и, хотя таким образом на прусскую службу поступили многие выдающиеся офицеры, в том числе пожалованный в дворяне до своего вступления в прусскую армию в 1801 году Шарнхорст, среди пришедших было немало, как выразился Трейчке, «авантюристов сомнительного пошиба»⁶⁶.

Офицерский корпус, при Фридрихе Вильгельме I ставший преимущественно национальным по составу, теперь был менее однороден и имел еще меньшую связь, чем раньше, с поддерживавшим его населением.

Однако гораздо более серьезной проблемой был очень низкий образовательный уровень офицерского корпуса. Разумеется, в этом не было ничего нового. Образовательный тон прусской армии был задан Фридрихом Вильгельмом I и старым Дессауэром, при чьем руководстве,

как писал один наблюдатель, «генерал не считался необразованным, даже если он едва мог расписаться. Способного на больше обзывали педантом, чернильной душой и писакой»⁶⁷.

В последующий период отмечалось незначительное улучшение. На самом деле проблема усугублялась склонностью юнкерских семей посылать сыновей в армию в том возрасте, когда им с большей пользой следовало заниматься приобретением элементарных азов математики⁶⁸. Эта практика поощрялась острой необходимостью замены офицеров после 1763 года, но ее основной причиной, вероятно, было чувство части местной знати, что старшинство в звании важнее культурных достижений⁶⁹. Какова бы ни была причина, результаты были плачевными, и младшие армейские чины заполняли невоспитанные и неотесанные юноши, не лишенные доблести, но которым не хватало ума, чтобы сделать ее эффективной. Реформа кадетских училищ, проведенная майором фон Рюхелем в 1790-х годах, и учреждение четырех высших военных академий между 1763 и 1806 годами служили признанием этого положения и стремились его исправить. Однако выпускников последних учебных заведений было немного, и они составляли неадекватную малую долю в офицерском корпусе, который, как минимум в званиях ниже майора, отличался бездонным и высокомерным невежеством⁷⁰.

Если безбородая молодость была отличительной чертой низших чинов офицерского корпуса, то на должностях высшего командного состава властвовал возраст. В период после Фридриха Великого буквально казалось, что в Пруссии старые солдаты никогда не умирают. К 1806 году из 142 генералов прусской армии четверо были старше 80 лет, 13 – старше 70 и 62 – старше 60 лет, а 25 % полковых и батальонных командиров тоже перевалили за 60 лет⁷¹. Конечно, в самом по себе возрасте как таковом нет ничего предосудительного, и отмечалось, что командиры, победившие в сражениях 1866 и 1870 годов, во многих случаях были ровесниками тех, кто проиграл сражения 1806 года⁷². Но возраст, сопровождаемый непреклонным консерватизмом, может быть опасен, и именно в этом смысле годы мешали эффективности прусской армии. Многие из высших офицеров армии Фридриха Вильгельма II и Фридриха Вильгельма III во время войн Фридриха Великого были младшими офицерами, и благоговение перед методами Фридриха сочеталось у них с упорным нежеланием признать, что методы ведения войны могут измениться. Поэтому они были почти абсолютно слепы и, разумеется, невосприимчивы к новшествам, внедряемым за границей.

Именно во Франции, вполне ожидаемо вызвавшей особую озабоченность у прусских солдат, в период между Семилетней войной и началом нового века был достигнут наиболее заметный военный прогресс. Уже в 1760 году маршал де Бройль и герцог де Шуазель экспериментировали с новыми тактическими формами и закладывали основу для реорганизации старой массовой армии в самостоятельные и автономные подразделения, состоявшие из всех родов войск и способные на автономный маневр и бой. Одновременно с этим реформы Грибовалы произвели революцию в боевых действиях артиллерии, в частности внедрение унифицированных запасных частей, повышение точности стрельбы и уменьшение веса орудий. В последующие годы в этом направлении был достигнут дальнейший прогресс, но еще более важные изменения произошли в результате глубокой политической революции, начавшейся в 1789 году. Разрушение старого режима и предоставление основных прав всем гражданам немедленно повлияло на структуру французской армии. Они сделали возможным создание подлинно национальной армии, которая, поскольку ее рядовые составы состояли из граждан, преданных национальному делу, была свободна от жестких ограничений войны XVIII века. Французам больше не нужно было концентрировать свои силы в тесном строю на поле боя, запрещая самостоятельные маневры, чтобы это не привело к массовому дезертирству. Французские *тиралъеры* наступали растянутым строем, сражались, стреляли и укрывались поодиночке, вследствие чего армия неизмеримо выигрывала в тактической гибкости. Более того, войскам можно было доверить добывание для себя продовольствия, и теперь можно было осво-

бодить французские части от громоздких обозов снабжения и зависимости от складов, которые ограничивали мобильность армий старого образца. Это освобождение от тирании логистики, в сочетании с новой тактикой и усовершенствованной дивизионной организацией, ввело в Европу совершенно новый вид ведения войны – тип молниеносной войны, мастером которой Наполеон показал себя в итальянской кампании 1800 года⁷³.

Эти изменения не остались незамеченными в Пруссии.

Вскоре после смерти Фридриха Великого артиллерист Темпльхофф и гражданский публицист Георг Генрих фон Беренхорст предупреждали об опасностях слепого следования принципам Фридриха⁷⁴, а ученик Беренхорста, Дитрих Генрих фон Бюлов, осознавал, хотя и несколько ограниченно, важность как французской *массовой мобилизации* в целом, так и гибкости операций Наполеона⁷⁵. Военное общество, официально созданное в 1802 году и состоявшее из многих выдающихся офицеров, читало доклады и проводило дискуссии о военных нововведениях во Франции, и главный вдохновитель этой группы, Шарнхорст, активно работал над внедрением в прусскую армию дивизий из всех родов войск и созданием народного ополчения в качестве резерва⁷⁶. В 1803 году барон Карл Фридрих фон дем Кнезебек разработал далекоидущий план реформы прусской армии, подчеркнув тот факт, что война теперь стала делом национальным и необходимо предпринять попытки создать подлинно национальную армию, а в 1804 году генерал фон Курбьер призвал к созданию кадровой системы, которая облегчила бы мобилизацию во время войны⁷⁷.

Существование этих и других предложений по реформе, несомненно, доказывает, что перед 1806 годом прусская армия не была полностью лишена интеллектуальной жизнеспособности. Однако фактом остается то, что ни один из предложенных планов реформ не был реализован вовремя и не принес пользы. Французский опыт был не слишком убедителен для приближенных к королю военных советников, а наибольшим уважением пользовались военные теории Зальдрена, Вентурини и Массенбаха, которые изображали войну как вопрос продуманного маневра и математических расчетов, подчеркивавших важность старой плац-дисциплины и продолжавших восхвалять линейную тактику и косые атаки, прославленные Фридрихом⁷⁸. Старый фельдмаршал фон Меллендорф, герой Семилетней войны, был склонен встречать все предложения реформ словами: «Это абсолютно выше моего понимания»⁷⁹.

Его влияние и влияние других, ему подобных, сыграло важную роль в отклонении предложений Кнезебека и Курбьера. Против сопротивления этой старой гвардии реформаторы мало продвинулись. Был достигнут некоторый прогресс в облегчении груза багажа, который армия была вынуждена таскать с собой в своих походах; были некоторые незначительные улучшения в боеприпасах; но необходимость тактических реформ или политических изменений, которые сделали бы их возможными, не признавалась. Даже хорошо зарекомендовавшая себя дивизионная организация не была введена до тех пор, пока прусская армия не двинулась к Йене, и, следовательно, это только усилило неразбериху в этом сражении.

Наконец, чтобы завершить этот перечень изъянов прусской военной организации, необходимо упомянуть об административной сложности и путанице, характерных для армейского управления. Со времен правления Фридриха Вильгельма I имел место неуклонный процесс бюрократизации, и к концу XVIII века в армии существовало пять практически равноправных и автономных органов: военный департамент Генерального директората, губернаторы гарнизонов, генеральные инспекторы, так называемая Высшая военная коллегия (*Oberkriegskollegium*) и Генерал-адъютантура⁸⁰. Военный департамент, через который Фридрих Вильгельм I осуществлял свою власть в административных вопросах, в последующий период лишился большей части реальной власти. Начальники крупных гарнизонов были практически независимы от его контроля, как и генеральные инспекторы, которым с 1763 года дозволялось осуществ-

лять надзор за набором солдат. Высшая военная коллегия была создана в 1787 году якобы для контроля и координации различных конкурирующих между собой ведомств и для того, чтобы снова поставить все военные дела под центральное руководство. Однако с самого начала вопросы, влияющие на командование и военные операции, были оставлены на усмотрение короля, а отношения между новым органом и командующими генералами для удобства оставались расплывчатыми⁸¹. В действительности Высшая военная коллегия оказалась неспособной координировать даже чисто административные функции армии. Ее авторитет вечно оспаривался военным департаментом, а его позиции постепенно подрывались Генерал-адъютантурой.

Этот последний орган, из которого предстояло вырасти всемогущему Военному кабинету XIX века, зародился в первые годы правления Фридриха Вильгельма I. Первоначально это была небольшая группа офицеров, служивших личными помощниками короля и занимавшихся его военной корреспонденцией. В списке офицерского состава 1741 года, например, королевская свита описывается как состоящая из четырех генерал-адъютантов в звании полковника и пяти флигель-адъютантов в звании майора⁸², но их количество и звания время от времени менялись. Из-за своего доступа к государю адъютанты, если они были одаренными и энергичными людьми, имели возможность оказывать значительное влияние, и при Фридрихе Вильгельме II и Фридрихе Вильгельме III так и произошло. Действительно, в 1787 году, когда была учреждена Высшая военная коллегия, Фридрих Вильгельм II одновременно сделал генерал-адъютанта от инфантерии полковника фон Гейзау своим каналом, по которому все военные дела доводились до его сведения и через который его приказы сообщались другим ведомствам⁸³. Взяв на вооружение эту власть – так называемое право доклада, – Гейзау, его преемник подполковник фон Манштейн и генерал-адъютант кавалерии Бишофсвердер играли очень активную роль не только в вопросах, касающихся вооруженных сил, но и в политике⁸⁴. В области собственно военной они постепенно ослабляли положение Высшей военной коллегии, ибо этот орган мог излагать свои взгляды государю только через адъютантов. Кроме того, они усугубляли общую административную неразбериху в армии и государстве в целом, поскольку все конфликтующие ведомства, в том числе и гражданские министры, соперничали за их благосклонность, а сами адъютанты были не прочь натравить одних на других ради сохранения и усиления своего влияния⁸⁵.

В результате этого бюрократического соперничества единственное относительно обнадеживающее административное событие того периода – попытка создать эффективный Генеральный штаб – оказалось гораздо менее успешным, чем могло бы быть⁸⁶. Некоторые из функций, которые мы связываем с работой Генерального штаба, со времен Великого курфюрста выполнялись генерал-квартирмейстер-ским штабом, но только в самом конце XVIII века этому вопросу уделили серьезное внимание. Тем не менее в 1800 году генерал Леккок из штаба генерал-квартирмейстера попытался дать более системное описание того, какими должны быть обязанности штаба, а в следующем году к той же задаче приложил свой недюжинный ум полковник фон Массенбах. В двух длинных меморандумах Массенбах настаивал на том, чтобы штаб генерал-квартирмейстера был реорганизован в три бригады, каждой из которых поручалось бы оперативное изучение данного района, чтобы штаб в целом готовил военные планы на все возможные непредвиденные обстоятельства, чтобы он проводил регулярные штабные учения для ознакомления своих членов с проблемами на местности, чтобы он собирал сведения о внешней обстановке и силах противника, чтобы его члены чередовали службу в штабе и службу в воинских частях и, наконец, чтобы начальник штаба генерал-квартирмейстера имел прямой доступ к королю и право выражать свое мнение по военным вопросам⁸⁷.

С самого начала эти планы оспаривались другими военными ведомствами. Фельдмаршал фон Меллендорф, глава Высшей военной коллегии, опасался, что подготовка военных планов приведет к измене, которая поможет потенциальным врагам. Генерал фон Застров считал,

что ведомство, которое вознамерится развивать в офицерах «фельдмаршальские таланты», попросту поощрит неподчинение. Генерал-майор фон Кокритц, глава Генерал-адъютантуры, выступил против планов Массенбаха из общих соображений, опасаясь, видимо, что планируемая организация ослабит его собственную власть⁸⁸. Штаб генерал-квартирмейстера был фактически реорганизован в примерном соответствии с идеями Массенбаха в 1803 году, он начал свою новую деятельность, встреченный враждебностью других ведомств и обладая еще кое-какими недостатками, ослабившими его эффективность. Его новому начальнику, генерал-лейтенанту фон Гейзау, одновременно было поручено руководство инженерным корпусом и военным департаментом Высшей военной коллегии, это умножение функций усугубило и без того фантастическую сложность военного управления. Начальники трех бригад штаба – генерал-майор фон Фуль, сам Массенбах и Шарнхорст – были людьми, чьи представления о стратегии и тактике находились в безнадежном противоречии, а кроме того, они были несовместимы по темпераменту⁸⁹. Новая организация теперь стала называться Генеральным штабом, однако никто не имел ясного представления о его функциях или полномочиях.

Хотя после 1800 года отмеченные выше недостатки и злоупотребления не ускользнули от внимания военных реформаторов, истинные масштабы упадка, затронувшего вооруженные силы с 1763 года, так и не были осознаны. Аура непобедимости, окружавшая армию в результате побед Фридриха, в последующие годы полностью не рассеялась. Даже разочаровывающие кампании 1792–1795 годов, которые могли бы, по мнению проницательного критика, выявить тревожные недостатки дисциплины и командования⁹⁰, по-видимому, не поколебали убежденности рядового офицера в том, что при любом реальном столкновении прусская армия непобедима. Безусловно, по мере того как правительство, все более раздраженное претензиями Наполеона и французскими нарушениями целостности прусской территории, подходило к войне 1805 года, солдаты не сомневались, что смогут поставить корсиканца на место. Правда, некоторые приближенные к королю генералы, и в особенности Массенбах, были против войны с Францией, однако позиция Массенбаха определялась скорее политическими пристрастиями, чем военными соображениями, ибо он ненавидел англичан и русских и мечтал о франко-прусском крестовом походе против последних⁹¹. За этим исключением, следует отметить, что прусская партия войны в 1805 году носила преимущественно армейский характер и, кроме того, возглавлялась тем реформаторским элементом, который должен был лучше всего осознавать неспособность Пруссии вести крупную кампанию. В то время как младшие офицеры берлинских гарнизонов точили шпаги на ступенях французского посольства⁹², четыре человека, такие как Шарнхорст, Рюхель и Блюхер, использовали все свое влияние в высших эшелонах власти, чтобы убедить короля в необходимости войны⁹³. Возможно, они не обладали возвышенной верой безымянного полковника, сожалевшего, что его «парням» приходится носить сабли и мушкеты, ведь, чтобы прогнать с прусской территории «французских псов», им хватит дубин⁹⁴, тем не менее, когда король в 1806 году окончательно решился на войну с Францией, они были уверены в победе.

Эта уверенность жестоко развеялась. Позже Бойен напишет о событиях 1806 года, что «было немного кампаний, в которых такие многочисленные и часто такие непонятные промахи накладывались друг на друга»⁹⁵. Дипломатическая подготовка к войне была смехотворно плохой. В 1805 году, когда и австрийцы, и русские выступили против Наполеона, прусское правительство колебалось до тех пор, пока не упустило наилучшую возможность для действий, в августе 1806 году оно вступило в войну с нейтральной Австрией, а Россия не могла предоставить силы поддержки. Мобилизация на войну была беспорядочной и неполной, не было предпринято никаких попыток мобилизовать силы Восточной Пруссии, и против французской армии численностью 160 000 человек пруссаки отправили на поле боя всего 128 000 человек.

Эти силы возглавил престарелый герцог Брауншвейгский, уклончивая нерешительность которого в кампаниях 1792–1795 годов не предвещала энергичного командования, ясный стратегический план у него отсутствовал, как и понимание важности штабной работы, он мало использовал таланты Шарнхорста, назначенного в его штаб в качестве начальника штаба. Однако эффективное командование было бы невозможно и при более одаренном военачальнике, чем герцог Брауншвейгский, поскольку административная неразбериха, терзавшая армию в мирное время, последовала за ней на поле боя. Какое-либо единое управление войной стало невозможным из-за прибытия в сентябре в штаб армии короля, и с этого времени война велась заседаниями комитетов, на которых энергия полевых командиров тратилась на бессмысленные дебаты с членами армейского штаба, королевской свитой, советниками кабинета и генерал-адъютантами, которые теперь заняли положение личного Генерального штаба короля.

Эти затяжные дискуссии полностью подарили инициативу Наполеону и все еще продолжались, когда его армии прошли через Тюрингский Лес и 10 октября разгромили прусский авангард в Заальфельде. Это поражение вызвало ужас в прусском штабе, и герцог Брауншвейгский, понимая, что его левый фланг находился под угрозой, решил отступить, чтобы защитить свои коммуникации. Это решение сделало невозможным сосредоточение прусских сил, которое еще могло предотвратить катастрофу. В результате, двигаясь с обескуражившей прусское командование быстротой, Наполеон навязал бой армии, состоящей из разрозненных и некоординированных частей. Сам император напал на корпус Гогенлоэ в Йене и, обладая большим численным превосходством и господством на возвышенности, одержал победу. Одновременно Даву бросился на фланг герцога Брауншвейгского у Ауэрштедта и, имея в своем распоряжении всего 26 000 человек, нанес решительное поражение почти вдвое превосходящим силам, во многом из-за нежелания генерала фон Калькройта без четких приказов задействовать свой резерв в 12 000 человек. Рано утром 14 октября прусские гренадеры мужественно противостояли смертоносному огню французских *тиралеров*, заслужив безграничное восхищение Наполеона, но к полудню боевой дух начал давать сбои. В Ауэрштедте герцог Брауншвейгский, пытаясь сплотить сильно пошатнувшуюся дивизию, был ранен в оба глаза и вынесен умирающим с поля боя, эта потеря усугубила растущее падение морального духа. Началось общее отступление, которое к вечеру переросло в бегство, поскольку беглецы обоих сражений хаотично бросились в сторону крепости Магдебург⁹⁶.

Последующие события составляют одну из наименее славных глав в прусских военных анналах, поскольку воля к дальнейшему сопротивлению, похоже, умерла в Йене и Ауэрштедте, и лишь немногие командиры пытались сплотить свои силы для нового противостояния. Шарнхорст, в суматохе сражения отстраненный от своего поста в королевском штабе, присоединился к корпусу Блюхера в качестве начальника штаба, в то время как гусарский офицер упорно пробивался, используя спасенную им от разгрома артиллерию и поддержку егерей Йорка, через Гарц в сторону Мекленбурга, отвлекая французские силы, которые в противном случае могли бы ворваться в Восточную Пруссию. Но Блюхер и Шарнхорст вели бой практически в одиночку, и даже они, из-за отсутствия продовольствия и боеприпасов, были вынуждены сдаться французам в окрестностях Любека. В остальном крах прусской армии был полным и позорным. В Магдебурге генерал фон Клейст и двадцать три других генерала с 24-тысячным войском под их командованием капитулировали без боя, коменданты крепостей Эрфурт, Хамельн, Шпандау, Кюстрин и Штеттин сделали то же самое. Гогенлоэ, прорвавшись с 12 000 человек из Йены в Пренцлау, где он был практически в безопасности, сложил оружие по совету своего начальника штаба Массенбаха. Продемонстрировав недостаток таланта, офицерский корпус, казалось, намеревался доказать несостоятельность и в отношении доблести.

После захвата французскими войсками западных провинций Фридриха Вильгельма III он удалился в Восточную Пруссию и попытался в союзе с русскими вернуть потерянное. Однако кампания 1807 года отмечена преимущественно массой дебатов, подобных тем, что предше-

ствовали Йене и Ауэрштадту, а прусский и русский штабы так и не смогли договориться о стратегическом плане. В феврале снова отличился Шарнхорст, когда, командуя ничтожно малым остатком прусской армии, лишил авангард Наполеона победы при Прейсиш-Эйлау. Однако союзные силы не смогли воспользоваться возможностью, предоставленной этим временным срывом планов императора, и бездействовали, в то время как Наполеон подтянул свои основные силы⁹⁷. В июне французы начали крупное наступление и 14-го отгнали главные русские силы к Фридланду. После этого царь Александр не решился на дальнейшее сопротивление и поспешил заключить мир с корсиканцем, мало заботясь о чувствах своего отчаявшегося союзника.

Брошенный на произвол судьбы Фридрих Вильгельм III встретился с Наполеоном 9 июля в Тильзите, и ему сообщили условия. Если он и ожидал мягкого отношения, то не дождался. Короче говоря, короля попросили смириться с потерей примерно половины территории и подданных, обещать платить большую дань своему противнику и содержать крупную оккупационную армию, а поскольку боеспособных воинских подразделений у него больше не было, ему не оставалось ничего другого, кроме как согласиться. Условия были совершенно сокрушительными, и они заключали в себе разрушение старого прусского государства. Тем не менее это не следует приписывать мстительности французского императора. В действительности Пруссия, созданная усилиями своей армии и ставшая крупной державой, теперь была разбита неспособностью этой армии приспособиться к изменяющимся методам ведения войны и нежеланием ее правителей задействовать не востребованную энергию прусского народа.

II. Реформа и реакция, 1807-1840

*Народ, воспрянь! Зарницы полыхают,
Сиянье с севера несет свободы свет!*

Арндт

*Хотя солдаты и надежная опора,
Природные союзники двора,
Беда царю не в меру полагаться
На преданность друзей в военной форме,
Ибо порою и солдаты мыслят...
Полковники, конечно, крайне редко...
А мыслящих среди, не суть ли розов,
Зелен ли, красен ментик на плече,
Не все (но точно девять из десяти) —
от измены в шаге.*

Томас Мур

В месяцы, последовавшие за капитуляцией Тильзита, лишь самые завзятые оптимисты сохраняли веру в дальнейшее существование Пруссии как независимого государства. Наполеон быстро раскрыл свои намерения превратить разбитую страну в сателлита своей империи, и казалось, что значительная часть прусского народа была готова покориться этой судьбе. У буржуазии и аристократии военная неудача породила широкие пораженческие и сильные оппортунистические настроения, а среди интеллектуалов вскоре раздались голоса, доказывающие преимущества приверженности новому наполеоновскому европейскому порядку, даже если это повлечет за собой уменьшение суверенитета Пруссии. В то же время в огромной массе населения было почти незаметно признаков негодования по поводу унижения Пруссии, а еще меньше народ желал за него отомстить.

Тем примечательнее, что в течение шести лет апатичное отношение народа к поражению удалось преодолеть, а Пруссия оказалась первой среди тех государств, которые объединились ради победы и изгнания корсиканца. Это возрождение было делом рук небольшой группы преданных и патриотичных реформаторов, главными из которых были Штейн, Шарнхорст, Гнейзенау, Бойен и Грольман. Признавая военные недостатки, приведшие к разгрому под Йеной, эти люди ясно понимали более глубокие причины краха Пруссии – ту пропасть, которая существовала между государственной машиной и прусским народом, не дав народу возможности отождествлять себя со своим правительством и лишив государство народной поддержки во время кризиса. Преодоление этой пропасти и пробуждение нового чувства преданности прусскому государству было конечной целью социальных, политических и военных реформ, начатых Штейном и его коллегами после 1807 года, и непосредственные результаты их усилий отразились в успешной войне против Наполеона в 1813–1814 годах и в народном энтузиазме, с которым ее поддержал прусский народ.

Несмотря на успех в освобождении Пруссии от иностранного господства, реформаторы в конечном счете не смогли достичь своих целей. Возможно, как писал Герберт Росински, они переоценили способность прусского государства отказаться от своих фундаментальных традиций⁹⁸.

Разумеется, они не смогли предвидеть, что, едва Пруссия будет освобождена от чужеземного ига, правящий класс предпочтет вернуться к своим давним привычкам. Когда после 1814 года эта тенденция утвердилась, реформаторы не проявили большого политического умения ей противостоять и к 1819 году оказались отстранены от власти, их политическая и социальная программа была сорвана и искажена, а их надежда на то, что Пруссия может стать прогрессивным государством с представительными учреждениями, потерпела поражение. После 1819 года период реформ сменил период реакции, на его протяжении старые разочарования прусского народа проявились в новых формах, а армия, которую Шарнхорст и Бойен стремились превратить в предмет народной гордости, вновь стала объектом народного возмущения.

Штейн, Шарнхорст и реформы

Можно сказать, что период реформ начался в июле 1807 года, когда король Фридрих Вильгельм III назначил Военно-реорганизационную комиссию и поручил ей расследовать недавнюю кампанию, назвать и наказать тех офицеров, чье поведение было ненадлежащим, и предложить изменения в организации армии, снабжении, уставах, подборе офицеров, воспитании и обучении. Создание таких комиссий не было чем-то новым, и после такого крупного поражения, как йенская катастрофа, следовало ожидать некоего расследования. Гораздо меньше ожиданий связывали с тем, что комиссия предложит какие-либо разительные изменения в существующей системе. В глазах многих старших офицеров, в том числе графа Лоттума, одного из первых членов комиссии, и генералов Йорка и Кнезебека поражение 1806 года было вызвано не фундаментальными недостатками военной или политической системы, а скорее сочетанием некомпетентного командования и невезения. Таким образом, хотя они и полагали, что следует исправить как можно больше очевидных злоупотреблений, они не видели никакой необходимости в фундаментальной реорганизации и реформе".

От такого поверхностного латания тришкина кафтана прусское государство спасли два обстоятельства. Во-первых, тот факт, что в Военно-реорганизационной комиссии после некоторых начальных внутренних разногласий наибольшее влияние получили Шарнхорст и его ученики Гнейзенау, Бойен и Грольман¹⁰⁰. Вторым было настойчивое требование Наполеона в июле 1807 года об увольнении Гарденберга, главного министра короля, событие, побудившее Фридриха Вильгельма призвать к себе на службу барона фон Штейна и доверить ему руководство всеми внутренними и внешними делами¹⁰¹. Доминирование Шарнхорста и Штейна придало послевоенной реорганизации особый характер и сделало 1807–1815 годы одним из самых многообещающих периодов реформ в истории Германии¹⁰².

По темпераменту Штейн и Шарнхорст были полными противоположностями. Министр был жестким, эмоциональным и настолько страстным в отстаивании своих взглядов, что предыдущий раз король уволил его с должности как «строптивного, наглого, упрямого и непослушного чиновника»¹⁰³. Шарнхорст был молчалив и замкнут и больше походил на школьного учителя, чем на королевского офицера, чья спокойная выдержка в неблагоприятных ситуациях резко контрастировала со свирепой яростью Штейна¹⁰⁴. Однако в политической и социальной философии, а также в отношении к недавнему поражению их взгляды были на удивление схожи. Оба понимали, что Йена и Ауэрштедт представляли собой нечто большее, чем военную катастрофу, что на самом деле это страшный приговор политической и военной системе прошлого. Кроме того, оба считали, что самым постыдным аспектом недавнего поражения был тот факт, что прусский народ столь явно отмежевался от судьбы своего правительства и своей армии. Это прискорбное отсутствие народного чувства долга и самопожертвования в чрезвычайных обстоятельствах было, по их мнению, ясным доказательством того, что массы населения считали государство простым орудием угнетения, а армию – чуждым учреждением, служащим королю, а не стране¹⁰⁵. Чтобы Пруссия выжила, необходимо было пробудить интерес масс к своему государству и убедить их добровольно служить ему. Как писал Штейн после первой аудиенции у короля в августе 1807 года: «Главной идеей было пробудить в нации нравственный, религиозный и патриотический дух, вновь вселить в нее мужество, уверенность, готовность на любые жертвы во имя независимости от иностранцев и за национальную честь, чтобы воспользоваться первой благоприятной возможностью и начать кровавую и опасную борьбу»¹⁰⁶.

Однако реформаторы были единодушны во мнении, что в существующих условиях это возрождение маловероятно, если вообще возможно. Каким образом можно ожидать, что крестьянин в Бранденбурге будет вести себя как ответственный гражданин, пока он продолжает оставаться в наследственной кабале у местного землевладельца? Каким образом можно ожидать, что городская буржуазия признает свои обязанности перед государством, если ей запрещено какое-либо участие в местном самоуправлении? И каким образом, в первую очередь, можно ожидать, что призванные под знамена прусские подданные будут верно и храбро сражаться в армии, которая не выказывала уважения к их личному моральному достоинству, которая не давала им возможности для продвижения по службе и относилась к ним без уважения, не как к гражданам, а как к пушечному мясу?¹⁰⁷ Безусловно, предпосылками возрождения, необходимого для освобождения Пруссии от французского господства, было облегчение бремени прошлого и предоставление основных социальных и политических привилегий всем прусским подданным. И поскольку реформаторы считали это истиной, они не могли удовлетвориться той поверхностной реформой, которую полагали адекватной более консервативные представители правящего класса. Штейн приступил к реализации программы, должной привести к отмене наследственного крепостного права в октябре 1807 года и учреждению местного самоуправления в городах в ноябре 1808 года и, как он надеялся, увенчаться основательной реформой центрального правительства и установлением некоей формы народного представительства, которая «гармонизирует дух нации и дух государственных учреждений»¹⁰⁸. Шарнхорст и его коллеги из Военно-реорганизационной комиссии намеревались не только исправить выявленные в Йене недостатки, но и, по словам Шарнхорста, «поднять и воспламенить дух армии, сплотить армию и народ в более тесный союз и подвести его к особой и возвышенной судьбе»¹⁰⁹.

Однако прежде рассмотрения всех этих далекоидущих планов комиссии требовалось посвятить свою энергию тому предмету, который представлял наибольший интерес для короля, а именно наказанию офицеров, нарушивших в недавней кампании прусский кодекс чести, капитулировав перед врагом без причины или без должного сопротивления. Дело это обещало быть мучительным и сложным, и комиссия, ввиду других стоявших перед ней задач, старалась в него не ввязываться. В этом она преуспела. После того как ее члены официально выступили за строгое наказание всех офицеров, признанных виновными в бесчестном поведении, король поручил анализ причин неудачи в Йенской кампании отдельной комиссии по расследованию. Работа этого органа затянулась до 1814 года, отчасти из-за трудностей с поиском свидетелей, отчасти из-за потери в ходе отступления армейских планов и документов. В конце концов, всего 208 офицеров были признаны виновными, в том числе все те, кто сдал крепости, за исключением Блюхера, капитулировавшего в Любеке только после того, как у него подошли к концу запасы продовольствия и боеприпасов. Кроме того, чистка недееспособных и отставных офицеров, о которой горячо писала печать сразу после поражения, была гораздо менее масштабной, чем нередко считается, и многим из обвиняемых в дезертирстве в 1806 и 1807 годах позволили восстановить репутацию в войне 1813 года¹¹⁰.

Реформаторы в комиссии были очень довольны тем, что избавились от этого аспекта военной реорганизации, поскольку их главный интерес заключался не в вынесении суждений об офицерском корпусе прошлого, а в улучшении качества офицеров будущего. Партия реформ в целом считала, что лучший способ добиться этого – положить конец аристократической монополии офицерского корпуса. Шарнхорст указывал, что прусское дворянство в прошлом не отличалось образовательным рвением или интересом к повышению военного мастерства, и подвергал критике теорию, упорными приверженцами которой были такие офицеры, как Йорк и Марвиц¹¹¹, о том, что средний класс по темпераменту непригоден к военному делу¹¹². Еще откровеннее своего начальника был Грольман. «Чтобы воевать, – писал он, –

не обязательно принадлежать к особому классу. Меланхолическая вера в необходимость для защиты родины принадлежать к особому классу многое сделала для того, чтобы погрузить ее в нынешнюю бездну, и только противоположное начало может вновь ее вытащить»¹¹³. С этими взглядами был полностью согласен Штейн. Конечно, Пруссию из ее нынешнего крайне тяжелого положения спасет не класс юнкеров. «Чего можно ожидать, – писал министр, – от обитателей этих песчаных степей, от этих хитрых, бессердечных, заскорузлых, недоучившихся людей, на самом деле способных стать только капралами или счетоводами?»¹¹⁴ Пришло время, утверждали он и другие реформаторы, открыть офицерский корпус для талантливых представителей среднего класса и сделать образовательный ценз решающим фактором для получения офицерского звания.

Несмотря на свою естественную антипатию к смелым нововведениям, в этом вопросе прямых препятствий на пути реформаторов король не ставил. Возможно, правда, тут сказались его обиды на поведение аристократии, в особенности офицерского корпуса, заставившая его отнестись к среднему классу с большей симпатией, чем можно было ожидать¹¹⁵. Грольману было предложено проработать детали новой системы отбора офицеров, и его усилия привели к приказу от 6 августа 1808 года, в котором говорилось: «Отныне притязание на должность офицера должно подтверждаться в мирное время знаниями и образованием, в военное время исключительной храбростью и сметливостью. Таким образом, из всего народа все лица, обладающие этими качествами, могут претендовать на самые высокие почетные должности в военных структурах. Все социальные предпочтения, существовавшие в военных структурах прежде, отменяются, и всякий, независимо от происхождения, имеет равные обязанности и равные права»¹¹⁶.

Чтобы претворить в жизнь эту радикальную декларацию, были изданы уставы, положившие конец системе, по которой юнкерам в возрасте 12 и 13 лет разрешалось служить капралами до тех пор, пока они не получали право на производство в офицеры. Отныне любой юноша, достигший 17 лет и прослуживший в строю три месяца, мог сдавать полковые экзамены на звание корнета (Portepeefahnrich), на каждый пехотный полк таковых полагались четырнадцать, а на каждый кавалерийский полк – восемь. Новая экзаменационная система применялась и для продвижения в более высокие чины. Прежде чем корнетов допускали к званию лейтенанта, им требовалось пройти повторный экзамен перед комиссией в Берлине, и предполагалось, – по крайней мере, первоначально – что все офицеры должны сдать экзамены перед повышением в звании¹¹⁷.

Офицеры старой закалки восприняли эти новшества с ужасом. Допуск буржуазии в офицерский корпус они расценивали как наступление на свой собственный класс и несправедливое лишение принадлежащих ему привилегий. Говорят, что, когда принц Вильгельм попытался защитить новые уставы, генерал Йорк вспылил и мелодраматично воскликнул: «Если ваше королевское высочество лишает наших прав меня и моих детей, какое основание остается для ваших собственных?»¹¹⁸ Консерваторы, в том числе такие члены или бывшие члены комиссии, как Лоттум и Борстель¹¹⁹, считали, что упор на книжное обучение сделан опрометчиво, ибо «слишком много знаний убивает характер»¹²⁰, и они, не колеблясь, намекнули королю, что сложная система экзаменационных комиссий разрушит тесные узы, которые всегда связывали государя и его офицеров. Эти доводы не остались без внимания, и уже в самом начале новой системы были сделаны важные оговорки. В инструкциях экзаменационным комиссиям указывалось, что «знания и ученость – не единственные качества, отличающие хорошего офицера, присутствие духа, быстрота восприятия, аккуратность, строгость в исполнении своих обязанностей и корректность в поведении – основные качества, которыми должен обладать каждый офицер»¹²¹. Несомненно, это была разумная мера защиты от чрезмерного акцента на знании

книг, но она, безусловно, открывала возможности для злоупотреблений со стороны предвзятых экзаменаторов. Кроме того, королевский указ от марта 1809 года подтвердил право короля назначать командующих офицеров по своему усмотрению – напоминая реформаторам о том, что он не допустит уничтожения своих королевских прав¹²².

Эти поправки не могли, однако, изменить того факта, что реформаторы пробили в старой системе серьезную брешь. Открытие офицерского корпуса для среднего класса и новый акцент на образовательном цензе дополнили начатые Штейном реформы по снижению классовых барьеров и устранению социального неравенства. Консерваторы в то время были бессильны внести в новые уставы значительные изменения, поскольку память о Йене была еще остра, а потребность в умных офицерах очевидна. Таким образом, Шарнхорст сумел продолжить свои преобразования и дополнить августовский приказ 1808 года основательной реорганизацией военно-учебных заведений. К середине 1810 года все основные старые училища, за исключением кадетских училищ (Kadettenhauser) в Берлине и Потсдаме, были распущены. Вместо них в Берлине, Кёнигсберге и Бреслау были созданы новые военные училища с девятимесячным курсом для подготовки кандидатов в офицеры, предлагавшие «все, что требуется от тех, кто хочет быть офицером». Для «духовного совершенствования» офицеров в целом в Берлине была основана высшая военная академия – зародыш позднейшей Прусской военной академии, где небольшие группы избранных офицеров проходили трехгодичный курс обучения военным специальностям, включая математику, тактику, стратегию, артиллерию, военную географию, французский и немецкий языки, физику, химию, уход за лошадьми и управление столовой¹²³. Старшие классы этой академии стали основным местом набора кадров для Генерального штаба, и именно в учебных подразделениях для будущих штабных офицеров впервые приобрели всеармейскую известность воспитанники Шарнхорста Клаузевиц и Тикдеман¹²⁴. Эффект от этих изменений был не немедленным, но существенным. Надлежащему соотношению между книжной ученостью и воинскими качествами предстояло стать предметом горячих споров до конца века, тем не менее не может быть никаких сомнений в том, что реформы Шарнхорста значительно увеличили число хорошо образованных и культурных офицеров, и теперь стало не так модно подражать манерам Старого дессауеца.

Реформа офицерского корпуса была едва ли не самым успешным аспектом работы Военно-реорганизационной комиссии. Прогресс реформаторов в реорганизацию в эффективную боевую силу всей армии в целом продвигался медленнее, а их достижения впечатляли куда меньше. Разумеется, на то имелаась веская причина. Структуру армии и механизм призыва пришлось полностью пересмотреть, поскольку вследствие фактического контроля Наполеона над континентом набор иностранцев стал невозможным, и Пруссия со значительно уменьшившейся территорией была вынуждена полностью полагаться на местные силы. Кроме того, было трудно установить предел численности постоянной армии, не зная, сколько разрешит Наполеон и сколько выдержит расшатанное финансовое положение государства. На протяжении 1807 и 1808 годов комиссия была вынуждена думать не о расширении, а о сокращении и действовала исходя из предположения, что страна может содержать армию из шести дивизий всех родов войск, а ряд приказов кабинета министров установил новые ограничения для пехотных, кавалерийских и артиллерийских частей. Однако эти планы изменили почти так же быстро, как составили, и новые штатные расписания пришлось полностью переработать в сентябре 1808 года, когда Наполеон по Парижскому договору установил для прусской армии общее ограничение в 42 000 человек. В результате от запланированной армии из шести дивизий пришлось отказаться в пользу состоящей из шести сводных бригад, в каждой из которых было семь-восемь батальонов пехоты, двенадцать кавалерийских эскадронов и три артиллерийские бригады¹²⁵.

Парижский договор не только накладывал ограничения на численность постоянной армии, но и запрещал принятие чрезвычайных мер для национальной обороны или формирование гражданской гвардии¹²⁶. Последнее условие ударило по реформаторам серьезнее, чем первое, и Шарнхорст, Гнейзенау и Грольман тщетно пытались склонить короля отказаться его принять, поскольку оно грозило сделать невозможным осуществление их планов по полной реформе системы призыва и созданию подлинно национальной армии. Гнейзенау, в частности, опасался, что договор усилит естественную робость короля и убедит его довольствоваться простой реорганизацией постоянной армии старого образца, той армии, которая, как он пренебрежительно писал, «внесла больше всего вклада в ослабление и вырождение народа, разрушение воинственного духа нации и чувства ее сплоченности, освободив другие слои общества от обязанности прямой защиты государства»¹²⁷. Хотя в первые месяцы работы некоторые члены комиссии говорили о сохранении старой системы кантонов со всеми ее изъятиями, партия реформ – как члены комиссии, так и занимавшиеся гражданскими делами Штейн и обер-президент Шён, – заявили о необходимости твердо внедрять принцип всеобщей воинской повинности, и всех не призванных в постоянную армию молодых людей надо привлекать к службе в некоем народном ополчении. В меморандуме королю от 15 марта 1808 года комиссия единогласно рекомендовала применение принципа всеобщей воинской повинности, и в декабре того же года они разработали это предложение, рекомендуя всеобщую воинскую повинность для всех мужчин в возрасте от 20 до 35 лет. Они также рекомендовали не допускать никаких исключений любого рода, призыв в регулярную армию должен производиться по жребию, а также следует разработать планы создания действующего совместно с регулярной армией ополченческого резерва¹²⁸.

Невозможно переоценить значение, придаваемое реформаторами этому аспекту своей работы. В письме, написанном после своего второго увольнения с должности, Штейн настаивал на том, что только союз постоянной армии и национального ополчения придаст актуальность «всеобщей ответственности за службу на войне, обязательной для всех слоев гражданского общества», и добавлял: «Только таким образом удастся воспитать гордый и воинственный национальный характер, вести изнурительные дальние завоевания и национальной войной противостоять сокрушительному нападению врага»¹²⁹. Взгляды Штейна разделял Герман фон Бойен, корнетом слушавший лекции Канта в Кёнигсберге и впоследствии серьезно изучавший его философию¹³⁰. Действительно, Бойену национальная армия представлялась «школой нации» будущего, обучающей служивших в ней граждан понятию долга и готовящей их к разумному участию в общественной жизни¹³¹. Для того чтобы этого добиться, Бойен уже давно доказывал необходимость отмены жестокой дисциплины в старой армии, и в первую очередь благодаря его влиянию и влиянию Гнейзенау в новых Военных уставах, опубликованных 3 августа 1808 года, отменялись телесные наказания за мелкие дисциплинарные нарушения и создавалась система военной юстиции, защищавшая отдельного солдата от произвола непосредственных начальников¹³². Новые уставы явно имели целью уменьшить отвращение к военной жизни тех классов, которые в прошлом были освобождены от воинской повинности, но теперь – в случае реформы – служили бы либо в постоянной армии, либо в национальном ополчении. Показательно, что в уставах прямо провозглашалось, что «в будущем каждый подданный государства, независимо от происхождения, будет обязан нести военную службу на условиях, которые еще предстоит определить»¹³³.

Однако короля было легче уговорить подписать столь принципиальные декларации, чем побудить его претворить их в жизнь. В декабре 1808 года, когда комиссия, как уже говорилось, рекомендовала ввести всеобщую воинскую повинность, король не предпринял никаких действий. Фридрих Вильгельм не хотел, чтобы профессиональную армию заменила преиму-

щественно состоящая из народа, и его несогласие поддерживали его финансовые советники, говорившие ему, что это разрушит государство. Нибур, например, выступал против из религиозных соображений, а провинциальные власти считали инициативу опасной французской идеей¹³⁴. Что до планов национального ополчения, то король с самого начала относился к ним неодобрительно. История Англии и Франции убеждала его в том, что ополчение враждебно королевской власти, а кроме того, он опасался, что создание второй силы снизит престиж и в итоге эффективность постоянной армии. Парижский договор был ударом по реформаторам, поскольку давал королю дополнительный предлог для отказа следовать их программе, еще более серьезный удар их делу был нанесен в ноябре 1808 года, когда Наполеон снова вмешался в дела Пруссии и заставил отстранить от должности Штейна. Падение этого неукротимого борца за основные реформы обрадовало сердца консерваторов, таких как Йорк, который написал: «Одна безумная голова уже отрублена, оставшийся змеиный клубок (Natterngeschmeiß) умрет от собственного яда»¹³⁵. Пророчество оказалось преждевременным, однако влияние реформаторов действительно пошло на убыль. Они и вправду не добились немедленного прогресса в реализации своих планов по внедрению всеобщей воинской повинности или национального ополчения. До 1813 года оставалась в силе старая кантональная система со всеми традиционными недостатками, а для создания дополнительных народных формирований никаких шагов не предприняли.

Сохранение кантональной системы не только воспрепятствовало реализации главных целей реформаторов, но и сделало невозможным сколько-нибудь заметное увеличение численности армии. После 1807 года, а в особенности после 1809 года предпринимались попытки нарастить численность войск, в первую очередь применяя так называемую систему Крильмпера, по которой каждая рота или эскадрон ежегодно выпускали установленное число обученных людей и заменяли их неподготовленными новобранцами. Вера в то, что эта схема возникла как обход условий договора с Францией и благодаря ей удалось обучить тайную армию численностью 150 000 человек, уже давно разоблачена как патриотическая легенда¹³⁶. Система Крильмпера, впервые предложенная Шарнхорстом в июле 1807 года, была разработана исключительно для подготовки пополнения к войне, до 1809 года она не применялась ко всей армии, а в 1811 году была свернута, оказавшись гораздо менее эффективной, чем предполагали. К началу войны в 1813 году прусская армия с обученным резервом насчитывала всего 65 675 солдат и офицеров¹³⁷.

Тем не менее из всего этого не следует делать вывод, что реформаторы ничего не добились. Хотя их желание сформировать подлинно национальные вооруженные силы остановили, им, как минимум, удалось заложить основы, на которых те могли быть созданы в будущем. Более того, такие реформы, как открытие доступа в офицерский корпус буржуазии и ревизия военной юстиции, вдохновленные той же философией, что и штейновские реформы гражданского управления, были благосклонно встречены широкой общественностью и способствовали смягчению народного гнева против государства и армии, сильного, как никогда, после Йены. Реформаторам хватило реализма для понимания того, что теперь им следует ждать дальнейшего развития событий, в надежде, что растущее высокомерие Наполеона и усиливающееся народное недовольство французскими поборами заставят короля отказаться от осторожного курса и снова взяться за оружие. А после этого они были полны решимости убедить его довести до завершения столь успешно начатое в 1807 и 1808 годах дело и создать народную армию, на которую они возлагали такие большие надежды.

Помимо этого, Шарнхорст и его коллеги имели все основания для удовлетворенности, поскольку в существующих вооруженных силах они добились значительных улучшений в области технической эффективности. Критическим взглядом было изучено основное вооружение и снаряжение армии, от обмундирования до боеприпасов. Предпринимались неустанные

попытки улучшить снабжение и повысить эффективность стрелкового оружия и артиллерии, удалось создать новые литейные заводы для производства оружия, хотя темпы производства неизменно сильно сдерживало шаткое финансовое положение государства. В области тактики предприняли серьезные усилия для взятия на вооружение французской практики, написали новые учебные пособия, где особое внимание уделялось применению легких войск, тактике колонн и взаимодействию на поле боя всех родов войск. Относительно последнего введенная после французского договора 1808 года бригадная организация позволила пехотным и кавалерийским частям проводить совместные учения и привыкать к взаимодействию в полевых условиях, чего столь явно не хватало в 1806 году, возможной стала также полная реорганизация служб снабжения, а распределение и учет снабжения теперь были централизованы под руководством недавно созданного военного комиссариата с представителями в каждой из шести бригад¹³⁸.

По общему мнению, самым важным из этих технических нововведений было учреждение в марте 1809 года нового военного министерства. В этом, как и во многих военных реформах, следует отметить влияние Штейна, и новое ведомство в некотором смысле выросло из кампании этого министра против безответственного правительства и разрастания функций государственной администрации. В меморандуме от 23 ноября 1807 года Штейн рекомендовал объединить всю администрацию государства под руководством пяти министерств, ответственные главы которых должны образовать государственное министерство и подчиняться непосредственно королю. Он настаивал, что одним из этих министерств должно быть военное министерство, способное объединить под своим контролем все военные вопросы¹³⁹. Король, всегда больше откликавшийся на планы реформ, касавшиеся гражданской администрации, чем на проекты, затрагивающие его военные прерогативы, ждал восемь месяцев, прежде чем дать предварительное одобрение этой идеи, и лишь в декабре 1808 года были изданы определенные указы о создании военного министерства.

В этих указах говорилось, что новое министерство будет иметь полномочия «надо всем, что относится к вооруженным силам и их структуре, созданию и содержанию и... всем, что до сих пор входило в юрисдикцию Высшей военной коллегии, Военного департамента Генеральной директории, провинциальных военных складов Силезии и Пруссии, а также Генерал-интендантства...»¹⁴⁰. Новое министерство делилось на два департамента: общий военный департамент (*Allgemeine Kriegsdepartement*) и военно-экономический департамент (*Militar Okonomiedepartement*). Первый департамент, призванный заниматься всеми вопросами управления и командования, состоял из трех отделов, первый занимался вопросами личного состава, включая продвижение по службе, оплату, награды, правосудие и увольнение, второй – обучением, образованием, военными планами и мобилизацией, а третий – надзором за артиллерией, инженерным делом, укреплениями, артиллерийским вооружением и испытанием изобретений. Военно-экономический департамент с четырьмя отделами должен был заниматься всеми вопросами финансов и снабжения¹⁴¹.

Характерно, что, дав добро, король отказался от необходимого для завершения реформы последнего шага. Несомненно опасаясь предоставить слишком большую власть в военных делах какому-либо одному лицу¹⁴², он отказался назначить военного министра. Вместо этого Шарнхорст был назначен главой общего военного департамента (*Allgemeines Kriegsdepartement*), с дополнительной должностью начальника Генерального штаба, а консерватор граф Лоттум – начальником военно-экономического департамента (*Militar Okonomiedepartement*). Обоим офицерам было предоставлено право совещаний непосредственно с королем и общения, когда это необходимо, с другими министерствами и главами ведомств.

Хотя до 1814 года военное министерство не было объединено под руководством одного министра, осторожность короля большого вреда не нанесла. После того как в марте 1809 года министерство начало функционировать, в нем доминировала личность Шарнхорста, и два ведомства, похоже, дружно работали вместе. Естественно, что командующие генералы, в мирное время находившиеся в подчинении министерства, возмущались новым учреждением¹⁴³, и, действительно, на протяжении всей своей долгой истории до 1918 года военное министерство вынуждено было, не всегда с успехом, бороться за свои полномочия и самое свое существование. Однако в рассматриваемый период его позиции не подвергались серьезному сомнению, и ему было дозволено придать военной структуре такую степень единства, которая была неведома при старом режиме. Конкурирующие ведомства, чьи раздоры прямо способствовали хаосу в Йене, исчезли или были подчинены новому министерству. Таким образом, функции всемогущего генерал-адъютанта были переданы первому отделу Главного военного ведомства во главе с Грольманом, старый штаб генерал-квартирмейстера передал свои обязанности второму отделу этого департамента, первым начальником этого отдела был Бойен, а Высшая военная коллегия и Военный департамент полностью исчезли¹⁴⁴. Эта централизация сама по себе была обнадеживающим предзнаменованием будущего. Тем более что по условиям учреждения новое министерство должно было работать в постоянном взаимодействии с остальными четырьмя министерствами, а его министр должен был входить в состав центрального государственного министерства. При правильном подходе это означало, что военное дело больше не будет отдельной сферой, изолированной от других сторон государственного управления. Реформаторы считали, что это также ускорит наступление дня, когда будет преодолена пропасть между армией и гражданским обществом.

Победа над Наполеоном

В апреле 1809 года давно копившиеся разногласия между Австрией и Францией достигли апогея, австрийские войска ворвались в Баварию, а их командующий, эрцгерцог Карл, призывал всех немцев поднять знамя свободы и отбросить французского императора за Рейн¹⁴⁵. Реакция в Пруссии была немедленной и страстной, и если искать первый осязаемый результат программы реформ 1807–1809 годов, то его, вероятнее всего, можно обнаружить в проявившемся теперь желании войны. От равнодушной пассивности, которой были отмечены последствия йенской катастрофы, практически не осталось и следа. В самой армии как реформаторы, так и крайние консерваторы считали, что Пруссия, несмотря на все еще существующие в армии недостатки, должна воспользоваться этой возможностью. Такие в прошлом противники реформ, как Калькройт и Борстель, открыто призывали к интервенции, а Марвиц и Кнезебек предлагали свои услуги Австрии¹⁴⁶. Стремление к войне не ограничивалось армейскими кругами. Те патриоты, кто подобно Арндту и Фихте¹⁴⁷ обращались с воззваниями к широкой публике, были встречены с энтузиазмом, и, когда майор фон Шилль по собственной инициативе повел отряд из ста гусар с берлинского парадного плаца для атаки на Вестфальское королевство¹⁴⁸, его обреченная на поражение экспедиция вызвала такую бурю эмоций, что Борстель предупредил короля, что наказание непокорного офицера вполне может вызвать революцию в Берлине¹⁴⁹.

Лидеры партии реформ пытались убедить короля воспользоваться состоянием общественного мнения. Шарнхорст не только настаивал на немедленном союзе с Австрией, но и предложил новый план введения принципа всеобщей воинской повинности – план, по которому будут предприняты немедленные шаги для пополнения постоянной армии подготовленным резервом, состоящим из бывших солдат, и ряда добровольческих егерских батальонов, сформированных из представителей имущих классов, способных экипироваться самостоятельно¹⁵⁰. Однако Фридрих Вильгельм к подвигам не стремился. Вердикт Лемана содержит немалую долю правды о том, что в этом кризисе в судьбе своей страны король действовал как человек, «полностью убежденный в превосходстве противника, испорченности своего народа и некомпетентности своих советников и командиров»¹⁵¹. Он вступил в сношения с австрийским правительством и, видимо, давал обещания поддержки, но они всегда зависели от гарантий, которых в 1809 году никто дать не мог. Король хотел убедиться, что Россия не будет возражать против прусской интервенции, что Британия эффективно поддержит это предприятие, а Австрия и Пруссия действительно смогут победить Наполеона. В глубине души он ни во что из этого не верил, а потому не собирался ни вступать в войну, ни реализовывать какие-либо планы Шарнхорста. Даже неудача Наполеона в Асперне не смогла вывести его из страшного оцепенения, а когда Ваграм положил конец всем большим надеждам 1809 года, реакция Фридриха Вильгельма была ближе к удовлетворенности собой, чем к замешательству. Однако патриотов исход войны потряс и обескуражил. Старый Блюхер, защитник Любека, пообещавший королю, что с 30 000 солдат изгонит французов из Германии, в гневе удалился в свой штаб в Штаргаарде, и вскоре распространились тревожные слухи о том, что старый воин помешался рассудком и считал себя беременной слонихой¹⁵². Гнейзенау ушел из армии, хотя продолжал служить государству в качестве тайного агента и совершал миссии в Лондоне и Петербурге. Грольман, во время короткой кампании служивший в австрийской армии штабным офицером, отправился в Англию, а весной 1810 года вступил в недавно сформированный иностранный легион в Испании, где прослужил с отличием до 1812 года¹⁵³.

Это разочарование усилилось в 1810 и 1811 годах, когда Наполеон, оказывая давление в других сферах, принялся увеличивать поборы в Пруссии. В январе 1810 года император категорично потребовал выплаты контрибуции по договору от 8 сентября 1808 года. Он заявил, что если прусское правительство не желает взамен контрибуции уступить провинцию Силезия, то ему лучше быть готовым собрать деньги, сократив прусскую армию до королевской гвардии в 6000 человек. Последовавший за этим кризис привел к падению министерства, выступившего – благодаря энергичной борьбе Шарнхорста – с предложением о том, что уступка хотя бы части Силезии предпочтительнее полного уничтожения армии, а в итоге Силезию тоже удалось отстоять, когда назначенный в июне канцлером Гарденберг сумел убедить представителя императора, что необходимые деньги соберут без промедления¹⁵⁴

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.